

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ИСКУССТВ

МНОГОРЕЧИЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Тезисы докладов и сообщений
Межвузовского научного семинара
с международным участием

Екатеринбург, 14 мая 2013 г.

Екатеринбург
Издательский дом «ЛИТУР»
2013

УДК 81'246.1(063)
ББК Ш100.4

Научный редактор
доктор филологических наук О. А. Михайлова

Многоречие: проблемы изучения : Тезисы докладов и сообщений Межвузовского научного семинара с международным участием. — Екатеринбург, 14 мая. Екатеринбург : Издательский дом «ЛИТУР», 2013. — 72 с.

ISBN 978-5-9780-0618-6

Представленные в сборнике тезисы посвящены обсуждению двух дифференциальных показателей российского мультикультурного общества — разноязычия и многоречия. В проекции на категории идентичности и толерантности систематизируются проблемы изучения многоречия. Исследуется отражение многоречия в практике языковой личности, текстах и словарях; многоречие в пространстве дискурсов разных типов; функционирование русского языка в иной этнокультурной среде.

УДК 81'246.1(063)
ББК Ш100.4

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Гаспаров Б. М.</i> Судьба «суржика» и проблема регионального варьирования русского языка.....	5
<i>Кубасов А. В.</i> Речевой образ homo soveticus в монологах М. М. Жванецкого.....	7
<i>Литовская М. А.</i> Локальная сказовая традиция в пьесах Н. В. Коляды и драматургов его школы.....	9
<i>Дунев А. И.</i> Многоречие в школьном дискурсе.....	10
<i>Купина Н. А.</i> Разноязычие и многоречие: проблемы изучения.....	12
<i>Туксаштова Р. О.</i> О языковой ситуации в современном Казахстане.....	14
<i>Норман Б. Ю.</i> О функционировании русского языка в современной Республике Беларусь.....	15
<i>Коновалова Н. И.</i> Диалектное субязыковое пространство Среднего Урала.....	18
<i>Шалина И. В.</i> Просторечие на стыке лингвокультуры.....	19
<i>Боровикова Н. А.</i> Адаптация мигрантов в русской лингвокультурной среде: взгляд преподавателя-русиста.....	21

СООБЩЕНИЯ

<i>Асташова О. И.</i> Речевая манера политического деятеля в зеркале поликодности.....	25
<i>Бортников В. И.</i> Эквивалентность как категория взаимного соответствия разноязычных текстовых вариантов (в истории и критике перевода).....	26
<i>Бучельникова Л. А.</i> Традиция фиксации устной речи в романах современных писателей Урала.....	27
<i>Вепрева И. Т.</i> О полиглоссии русской речевой личности (по данным метаязыковой рефлексии).....	28
<i>Гридина Т. А.</i> «Субязык» игрового художественного идиостиля (на материалы творчества С. Д. Кржижановского).....	29
<i>Заяц С. С.</i> Актуализация разноязычных единиц в речи школьников как средство воспитания толерантности.....	32
<i>Ильина О. В.</i> Многоязычие в уральской прессе.....	34
<i>Исакова (Шишканова) Е. А.</i> Полицейский как «Другой»: речевые способы репрезентации.....	35
<i>Истомина И. А.</i> Старообрядцы: традиции, ценности, язык.....	36

ISBN 978-5-9780-0618-6

© Издательский дом «ЛИТУР», 2013
© Коллектив авторов, 2013

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Ицкович Т. В.</i> Группа прихода в социальных сетях как форма религиозной коммуникации.....	38
<i>Караваева Е. В.</i> Об экспериментальном изучении полигlossии.....	40
<i>Киришева Т. И.</i> О некоторых особенностях одного субъязыка в сети Интернет.....	41
<i>Кислицына Ю. А.</i> Функции новейших заимствований в языке уральского города.....	43
<i>Литовская Е. В.</i> Стратегии использования разноречия как способа популяризации интернет-блога.....	45
<i>Лысенко М. А.</i> «Что такое счастье, каждый понимал по-своему...»: о различиях в осмыслении концепта молодыми носителями языка.....	47
<i>Матвеева Т. В.</i> Многообразие в индивидуальной речевой практике личности.....	48
<i>Меленкова Е. С.</i> Русский язык для трудовых мигрантов: из опыта педагогической работы.....	50
<i>Михайлова О. А.</i> Отражение многообразия в Толковом словаре русской разговорной речи.....	51
<i>Михайлова Ю. Н.</i> Разноречие в современной электронной коммуникации.....	52
<i>Огоновская А. И.</i> Полигlossия в пространстве телевизионного ток-шоу.....	53
<i>Петкау А. Ю.</i> К вопросу о разномыслии русской языковой личности (на материале паремий, манифестирующих концепт <i>здоровье</i>).....	55
<i>Пикулева Ю. Б.</i> Субъязыковые коды рекламной речи.....	56
<i>Попкова Н. Н.</i> Многообразие в глянцево-журнальном пространстве (на примере журнала «Бизнес и Жизнь»).....	57
<i>Провирнина И. С.</i> Проблемы образовательной работы с мигрантами: взгляд преподавателей-русистов.....	58
<i>Рассохина Н. Н.</i> О субъязыке автора-публициста.....	60
<i>Семенова Н. С., Киришева Т. И.</i> Специфика использования русского языка учащимися разных национальностей в средней общеобразовательной школе.....	62
<i>Соболева М. В.</i> «Я-концепция» и «имидж» как два аспекта проявления личности говорящего.....	65
<i>Третьякова В. С.</i> Этнолингвокультурный фактор как регулятор речевого поведения.....	66
<i>Черник В. Б.</i> Особенности речи государственных служащих силовых структур.....	68
<i>Шульдина Е. В.</i> Приметы субъязыка Михаила Прохорова.....	70
<i>Юшкова Н. А.</i> Роль этнокультурного компонента образования в современных условиях.....	71

Б. М. Гаспаров

Колумбийский университет, США

Судьба «суржика» и проблема регионального варьирования русского языка*

Языковой феномен, в отношении которого приходится, за неимением лучшего, принять пейоративно окрашенное название «суржик» (намекающее не просто на смешанный, но «несортный», засоренный характер обозначаемого), охватывает обширную территорию: приблизительно от Харькова до Ставрополя (плюс «островные» его проявления в таких городах, как Киев и Одесса). Его эпицентром можно считать Ростовскую область и Донецкий регион; именно там русские и украинские черты выступают в наиболее сбалансированном виде. Черты украинизации возрастают по мере продвижения на запад, но парадоксально, также к востоку от эпицентра (в Краснодарском и Ставропольском крае). Если по оси запад-восток границы «суржика» размыты, то от лежащих к северу от него собственно южно-русских говоров (с которыми он, как кажется без достаточного основания, объединяется в русской диалектологии) он отделен достаточно четко.

Своеобразие «суржика» по отношению как к украинскому, так и к русскому языку (в частности, его южному варианту) проявляется главным образом в области фонетики, отчасти в морфологии. Как кажется, синтаксис не отличается от синтаксиса русской разговорной речи. Что касается лексики и особенно идиоматики, сведе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (Соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многообразие в социокультурном пространстве России»).

ния об этом аспекте пока не идут дальше констатации массивного присутствия лексических украинизмов.

На первый взгляд, фонетика «суржика» также представляет собой простую гибридизацию южно-русских и украинских черт. Это, однако, не так. Более нюансированное наблюдение позволяет выделить признаки, не принадлежащие ни одному из смежных языковых массивов. Именно они позволяют говорить о «суржике» как о феномене, имеющем свое собственное содержание, а не только как об «испорченном украинском» либо о южно-русском диалекте. Важнейшей из этих черт является специфическое ‘аканье’: в то время как нейтрализация ‘о’ и ‘а’ в безударной позиции сходна с центральной и южной Россией, ритм безударных гласных скорее напоминает украинское ‘оканье’: не только в первом, но и во втором предударном слоге ‘а’ в произношении «суржика» почти не уступает в долготе и ясности ударному гласному [харашо / ахурец]. Фактически неправомерно говорить о «редукции» гласных: скорее, речь должна идти о конвергенции фонем ‘а’ и ‘о’ в безударной позиции. Соответственно, после мягких согласных ‘еканье’ выражено очень сильно, хотя минимальная редукция в этом случае все же имеется. Результатом является своеобразный словесный ритм, отличающийся как от русского литературного языка, так и от речи регионов вокруг и к югу от Москвы. Другая важная черта — фарингальный ‘h’, характеризующийся большей глубиной и вокальностью по сравнению с украинским фрикативным согласным. Его фактически полугласный характер имеет следствием то, что в интервокальной позиции ‘h’ **исчезает**, приводя к слиянию гласных: хиена / хи’иена; харин (Гарин) / ha’арин (Гагарин).

В докладе будет рассмотрен еще целый ряд отличительных черт «суржика». Важны, однако, не столько это эмпирические наблюдения сами по себе, сколько некоторые теоретические выводы, которые они позволяют сделать.

Во-первых, стигматизация «суржика», отношение к нему не как к языку, на котором говорят миллионы людей, а как к «порче» языка сродни традиционному взгляду на такие феномены, как

«пиджин» или **black English**. Соответственно, повсеместно наблюдаемый пересмотр этой позиции может и должен коснуться и «суржика».

Во-вторых: отношение между «литературным языком» и «суржиком» нельзя определить ни как «двухязычие», при котором каждый из них последовательно употреблялся бы разными группами говорящих, ни как «диглоссию», когда выбор речевого поведения определяется ситуацией. Скорее, черты суржика «выветриваются» в той или иной степени, в зависимости от образовательного ценза и социальной мобильности говорящих. Фарингальный ‘h’ теряет вокализацию, а затем и вовсе начинает употребляться вперемежку с ‘г’; несмягчаемый ‘р’ (**наварью ‘говорил’**) становится полумягким либо вообще смягчается; окончание 3 лица -ть проявляется лишь sporadически, и т. д. Это позволяет поставить вопрос о региональных вариантах, в их отношении к «литературному языку», в более динамичном ключе, понимая их в качестве противоположных полюсов притяжения, с которыми в разной степени — вплоть до едва уловимых нюансов — соотносится речевое поведение всех говорящих.

А. В. Кубасов

*Уральский государственный
педагогический университет*

Речевой образ homo soveticus в монологах М. М. Жванецкого

Многие рефлексии советской ментальности остались и живут, лишь мимикрируя и видоизменяясь. Поэтому вызывает интерес речевой образ советского человека, воплощенный, в частности, в монологах М. М. Жванецкого, написанных в 70-е гг. XX века. Один из них «Алло, вы меня вызывали?..». Главный герой его — некто Чижиков, «массовый человек». Интрига монолога — ряд звонков

героя в различные госучреждения с целью установления, откуда приходила ему повестка. Авторская задача связана с раскрытием характера взаимоотношений советского человека с институтами власти. Произведение Жванецкого предназначено для эстрады, его ведущая тональность смеховая, ироническая. Однако есть у монолога и серьезный аспект, связанный с представлением ментальных особенностей *homo soveticus*. Автор акцентирует две из них, амбивалентных по своей природе, — ответственность и страх. Ответственность — оборотная сторона свободы, а страх — несвободы. Монолог фактически является скрытым диалогом с опущенными репликами собеседников, которые легко восстанавливаются слушателем. Это обуславливает читательскую активность.

Речь героя отличает десемантизация, проявляющаяся в ее ритуализации и выхолащивании смысла. Во всех разнородных советских учреждениях героя спрашивают об одном и том же, потому что репрессивный характер учреждений нивелирует их различия. Ритуальность навязывается и человеку. Отношение к власти как к чему-то сакральному предопределяет эвфемистичность и умолчание в речи героя, что нельзя упоминать всуе. Так, «компетентные органы» в монологе лишь подразумеваются. Произнести «кожно-венерологический диспансер» стыдно и нельзя. Так формируется специфическая конвенциональность речи советского человека, созданная по принципу «умному достаточно».

М. А. Литовская

Уральский федеральный университет

Локальная сказовая традиция в пьесах Н. В. Коляды и драматургов его школы*

Профессиональная словесность (художественная литература, non-fiction, очеркистика, эссеистика, драматургия) традиционно фиксирует реальное языковое и речевое разноречие, используя его, в первую очередь, как инструмент идентификации автора/персонажей.

Жанрово-стилевые формы литературы вариативно опираются в том числе и на локальную традицию воспроизведения устной речи. Вершина развития литературы уральского региона — сказовое творчество П. П. Бажова — задает современным литераторам, вольно или невольно опирающимся на традицию, основу для внимания к проблемам взаимодействия литературного языка и устного речепорождения, а также интереса к воспроизведению и моделированию разноречия, основанного на понимании того, что живая жизнь языка сформирована множеством пересекающихся «голов-сов», задающих осознаваемые как типовые формы социального языкового поведения.

Эстетизация устной речи, ненормативной по отношению к письменному литературному языку, обостряется в период кризиса идентификации. Кризис региональной идентичности в 1930-е годы привел П. П. Бажова к созданию формы сказа, написанного от лица уральского рабочего — персонажа, социальный авторитет которого нуждался в легитимации через включение его специфического голоса (=позиции) в текст «высокой» литературы.

Кризисные социальные процессы происходили и в 1990-е годы, когда Н. В. Коляда повторяет успех П. П. Бажова. Драматург делает главными героями своих пьес людей из социальных

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (Соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве России»).

низов, по сути тех же жителей фабричных поселков, моногородов, обитателей общежитий и т. п. носителей специфической культуры, которая получает название «постфольклорной», людей, которые, несмотря на свою многочисленность, воспринимались обладателями нормативной культуры как маргиналы.

Когда с изменением социокультурной ситуации этот слой стал осознаваться как значимый, нарастает интерес не только к пьесам Н. В. Коляды, но в целом к его театру как проявителю языка «молчаливого большинства». Постановки классики в театре Н. В. Коляды сделали символически-наглядным существование в культуре любого времени двух полюсов, из которых один остается в истории искусства в виде «высокой» нормы и, являясь основанием для последующей метарефлексии, непрерывно развивается, тогда как другой, почти не изменяясь, бесконечно воспроизводится в «низовой» культуре.

Форма существования воплощенного в языке культурного разноречия становится одной из центральных проблем драматургии школы Н. В. Коляды.

А. И. Дунев

*Российский государственный
педагогический университет*

Многоречие в школьном дискурсе

Изменения, произошедшие в начале XXI века в речевой коммуникации как в обществе в целом, так и в отдельных институциональных сферах, требует изучения и применения новых современных подходов. Понимая дискурс вслед за М. Я. Дымарским «как текущую речевую деятельность в какой-либо сфере» [Дымарский 1999: 33], мы обращаемся к основным проблемам общения, существующим в современной российской школе.

Учитель, являясь проводником культуры предыдущих поколений, вынужден находить новые речевые формы и речевые маски

для того, чтобы быть понятым. Стремление школьного педагога подстроиться в выборе языковых средств и речевом поведении к речи других участников коммуникации создает эффект много-речия как явления речевой дифференциации, которая может быть сознаваемой и несознаваемой носителем языка, а на фоне коммуникативных неудач становится явной.

Учитель должен деформировать свою речь, иначе рискует быть непонятым. Это ярко проявляется в анекдоте:

Учитель русского языка вызвала мать Вовочки.

— Здравствуйте, любезнейшая Ольга Петровна, присаживайтесь, милости прошу. (Но замечает непонимание в глазах женщины). Ваш сын в последнее время, как бы это поточнее выразиться,.. какой-то лоханутый стал, тормозной. На уроках за базар не отвечает, гонит что-то, исполняет иногда, а временами вообще ни о чем, вы извините меня ради бога!

Для изучения особенностей речи учителя нами используется метод интен-анализа. Данный метод основан на выявлении актуализации языковых значений и их интерпретации в русле типологии интенций. Изучение выбора языковых средств как влияния много-речия позволяет поднять вопрос о типологии намерений в речи и их сигналах.

ЛИТЕРАТУРА

Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999.

Разноязычие и многообразие: проблемы изучения*

Разграничим два явления — разноязычие и многообразие.

1. Разноязычие — функционирование разных языков в пределах одного геопространства. Проблема разноязычия в России оказывается двусторонней: 1а. разноязычие россиян, владеющих русским языком как первым или вторым родным; 1б. разноязычие мигрантов, отдаленных от доминирующей в стране лингвокультуры. В сложившихся условиях возрастает роль языковой политики, направленной на формирование и регулирование механизмов толерантного сосуществования разных языков и культур, на государственную поддержку интегрирующей функции русского языка. Особую значимость приобретает проблема разработки интенсивных методик изучения русского языка как неродного (1а) и как иностранного (1б).

2. Многообразие — сосуществование субъязыков внутри единого общенационального языка. 2а. Оппозиция «литературно-разговорный язык — книжный язык» позволяет зафиксировать диглоссию; функционирование разных субъязыков внутри отдельной функциональной разновидности языка (например, научно-естественный, научно-технический, научно-гуманитарный субъязыки) — полиглоссию. Каждый субъязык обладает набором присущих только ему «абсолютно специфических единиц» (Ю. М. Скребнев). 2б. Оппозиция «литературный кодифицированный язык — некодифицированные страты языка» позволяет зафиксировать разветвленное многообразие: диалекты, просторечия, социальные и профессиональные жаргоны. На одной территории функционируют пересекающиеся субъязыки (например, говоры Среднего Урала). Пересекаемость обусловлена наличием относительно специфиче-

ских и общих языковых средств (последние поддерживают единство национального языка).

3. В конкретной коммуникативной ситуации носитель определенного субъязыка (например, городского просторечия) вынужден переключаться на другой (например, на обиходно-деловой) субъязык. Изучение механизмов переключения с одного субъязыка на другой — особая исследовательская проблема, предполагающая также системное описание отдельных субъязыков.

4. Многообразие по-разному проявляет себя в разных сегментах неинституциональных и институциональных дискурсов. Отсюда актуальность процедуры диагностики многообразия, исследования его функционального диапазона, конфликтного потенциала и интеграционных возможностей. Прикладной значимостью обладают коммуникативно-прагматические технологии, разработка которых обеспечит эффективную реализацию «регулятивной стратегии» (Н. С. Болотнова), предполагающей преднамеренное использование в речи вербальной цепочки, организованной по модели «специфический субъязыковой сигнал — разворот».

5. Многоаспектный анализ фактов разноречия и многообразия, проекция полученных данных на проблемы толерантности и коллективной идентичности позволит установить связи и отношения языкового существования (Б. М. Гаспаров) с векторами развития российского мультикультурного общества.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (Соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многообразие в социокультурном пространстве России»).

Р. О. Туксаитова

*Национальный аграрный университет,
Казахстан*

О языковой ситуации в современном Казахстане

Казахстан является уникальным государством, на территории которого проживают представители более 130 этносов. В ситуации полиэтнического государства языковая политика, проводимая в республике, должна соответствовать потребностям данного лингвокультурного сообщества. Знание казахского языка как государственного должно стать важнейшим фактором роста личной конкурентоспособности граждан, карьерного роста и активного участия в общественно-политической жизни. Русскому языку, представляющему собой наиболее распространенный язык в социокультурном пространстве поликультурного государства, отводится роль консолидирующего фактора, способного объединить все этносы. Историко-культурная ситуация контактирования казахского, русского и других языков естественным образом порождает явление казахско-русского билингвизма, который проявляется в различных сферах. Наблюдения показывают, что практически во всех сферах деятельности в Казахстане для качественного овладения профессией и обретения статуса успешного конкурентоспособного гражданина важно как знание государственного казахского, так и владение русским языком. При этом русскому языку отводится роль важного в сфере делового общения языка, поскольку знание русского языка способствует устранению каких-либо коммуникативных затруднений в полиэтническом государстве.

Экономические стратегии государства, вызванные глобализацией и интеграцией в мировое сообщество, определили ряд задач, связанных с необходимостью реализации культурного проекта «Триединство языков», в котором сделан акцент на знание трех языков: казахского, русского и английского языков. В связи с этим в Казахстане с недавних пор реализуется программа полиязычного высшего образования. Данная образовательная программа позволяет студентам в достаточном объеме реализовать академическую

мобильность, включиться в мировое образовательное пространство и при успешной реализации данного проекта можно говорить о возможностях полиязычной и поликультурной личности, нацеленной на успешное овладение языками и профессиональными навыками, необходимыми в их профессиональной деятельности.

Б. Ю. Норман

*Белорусский государственный университет,
Республика Беларусь*

О функционировании русского языка в современной Республике Беларусь

Социолингвистическая ситуация в сегодняшней Республике Беларусь определяется динамическим взаимодействием тех двух близкородственных языков, которые, согласно Конституции, являются государственными: это белорусский и русский языки. Реальный статус каждого из них зависит не только от таких факторов, как психологический престиж, статус на мировой арене, широта коммуникативной сферы, богатство и разработанность лексики и т. п., но и от статуса второго языка. Иными словами, перед нами — взаимозависимость: употребительность и коммуникативный ранг русского языка в республике зависит от актуальной ситуации с белорусским языком, и наоборот.

На сегодняшний день сфера функционирования русского языка в республике более широка в сравнении с использованием белорусского языка. Дискуссионными остаются вопросы о полноте белорусской терминологии, о расширении стилового диапазона белорусского языка, о существовании белорусских жаргонов и т. п. Данная социолингвистическая ситуация отражается и в политике книгоиздания (выпуск книг на белорусском языке составляет порядка 10 % от общего числа названий), и в школьном образовании (количество школ с белорусским языком обучения

в городах упало до минимума). Весьма ограниченно используется белорусский язык и в высшей школе, и в науке.

Чрезвычайно актуальное лингвистическое явление в языковой жизни страны — это так называемая трясанка, т. е. смесь двух языков в реальном общении. Многие ученые считают, что трясанка — это «русифицированный вариант белорусского языка» (Г. А. Цыхун), сводящийся преимущественно к соединению русской лексики с белорусской фонетикой. Есть авторы, которые тот же термин используют и для специфического белорусского варианта русского языка (Н. Б. Мечковская). Иногда под трясанкой понимают все формы смешения двух языковых систем — белорусской и русской (Ю. Б. Коряков). Наконец, иногда это смешение, наоборот, пытаются максимально подробно дифференцировать (И. В. Лисковец). Практически все языковеды относятся к трясанке отрицательно, рассматривая ее на фоне пиджинов и креольских языков. Однако в интернете встречаются провокационные призывы типа «Надо написать учебник трясанки!».

Главное, с моей точки зрения, новшество, наблюдаемое в последнее десятилетие, это постепенное повышение статуса белорусского языка в реальном употреблении, хотя бы пассивном. Я имею в виду, во-первых, активизацию письменных и устных белорусских текстов в городских условиях (объявления в транспорте, вывески, таблички с названиями улиц, бланки документов, реклама, телепередачи и т. п.). Во всяком случае, они уже не вызывают такого психологического отторжения и насмешек, как 15-20 лет назад. Возможно, свою роль в этом играет и расстановка политических сил в стране: оппозиция, при всей ее слабости, имеет преимущественно белорусскоязычную «окраску» или, во всяком случае, ориентирована на национальные ценности. Молодое поколение жителей республики, выросшее в условиях суверенитета, впитало в себя весь многообразный фон (культурный, политический и т. п.) взаимоотношений двух языков.

Вторая важнейшая особенность — это регулярное проникновение белорусских слов (таких, как *бульба*, *дзеўка*, *навошта*, *змагар* и т. п.) в русскоязычные тексты. Вообще следует обратить внимание

на асимметричный характер русско-белорусского и белорусско-русского взаимовлияния в лексике. Русские слова входят в белорусскую речь стихийно, массово и неосознаваемо. Белорусские же лексемы в русскоязычных текстах имеют характер маркированных точечных вкраплений (Т. Н. Волинец). Это — сознательное (намеренное) экспрессивное средство, причем средство не менее сильное, чем, скажем, словообразовательные окказионализмы или сниженная/возвышенная лексика. Очень часто за употреблением белорусских слов стоит снижение, ирония, эмпатия или какие-то иные прагматические посылы. Наряду со своеобразной системой топонимов и антропонимов, белорусские вкрапления позволяют говорить об особом «белорусском варианте» русского языка.

Однако все эти средства языкового креатива предполагают наличие у носителя языка ощущения некоторой внутренней свободы. Поэтому заметны различия в отношении к лексическим белорусизмам в средствах массовой информации. В официальной прессе — скажем, в газете «Беларусь сегодня» (бывшая «Советская Беларусь») белорусскоязычных вкраплений практически нет. А либеральная и менее зависимая «Белгазета» использует их весьма охотно.

В целом же вопрос о судьбе белорусского языка и о перспективах взаимодействия белорусского и русского языков в республике — это вопрос не столько лингвистический, сколько политико-экономический.

Н. И. Коновалова

*Уральский государственный
педагогический университет*

Диалектное субъязыковое пространство Среднего Урала

Урал — территория позднего заселения, поэтому уральские говоры относятся к вторичным, сформировавшимся на основе северновеликорусского наречия, а также не без влияния языков нерусского автохтонного населения (татарского, башкирского, коми и др.) и переселенцев с территорий южновеликорусского наречия. Мозаичное заселение Урала представителями разных национальных культур не могло не найти отражения в диалектной лексико-семантической системе, чем объясняется весьма пестрая картина, наблюдаемая в уральских говорах. Можно выделить четыре основных ее пласта: 1. Литературная лексика; 2. Диалектная лексика, зафиксированная в разных говорах на территории европейской части страны (сведения о ней представлены в различных диалектных словарях); 3. Заимствования из других языков (в основном эта группа представлена тюркизмами, т. к. большую часть нерусского населения Среднего Урала составляют чуваша, татары, башкиры, казахи); 4. Собственно уральская диалектная лексика и фразеология, не представленная в других русских говорах.

Лексемы первых трех групп в макросистеме уральских говоров подвергаются различным преобразованиям, направления которых демонстрируют субъязыковую диалектную общность различных микросистем.

Собственно уральская диалектная лексика (четвертая группа) демонстрирует в большей степени субъязыковые диалектные различия, нежели сходство. Наиболее значительным показателем «уральского многогочия» является широко развитая вариативность (в широком смысле — различного рода модификации формы языковой единицы, не меняющие ее понятийной сущности). Вариативность обнаруживает свою продуктивность на всех

уровнях, ср. типы вариантов: а) фонетические; б) акцентологические; в) грамматические; г) словообразовательные; д) номинативные (слова различного звукового и словообразовательного состава, полностью совпадающие по своему значению и отличающиеся принципом, способом или средством номинации).

В докладе будут продемонстрированы тенденции развития диалектной подсистемы русского национального языка в современной социокультурной ситуации.

И. В. Шалина

Уральский федеральный университет

Просторечие на стыке лингвокультур*

Сплетение во взаимодействии разных типов лингвокультур составляет специфику коммуникативно-культурного пространства современного города, в котором «реализуются стыковки различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов» [Лотман 1984: 35]. Полиглотизм горожанина (термин Б. А. Ларина) в той или иной мере определяется пестротой социальной базы и типом города (столичный / провинциальный, большой / маленький, существующий в условиях / вне условий контактного билингвизма др.), размыванием границ между разными коммуникативными сферами городского пространства, существованием разноязычных коллективов, члены которых демонстрируют многообразие языковых навыков.

В русистике сложилось мнение о монофункциональности просторечной культуры, её слабых адаптационных механизмах. Так, утверждается, что носитель просторечия при изменении ситуации общения и характера коммуникации не способен менять регистры

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (Соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многогочие в социокультурном пространстве России»).

общения, сохраняя свои языковые предпочтения, не задумывается о норме речи, уместности и целесообразности своего словоупотребления [Земская 2002, Капанадзе 1984, Осипов 1994 и др.]

Наш речевой материал (как устные тексты-разговоры, так и эпистолярные образцы носителей просторечной лингвокультуры) позволяет скорректировать данные утверждения. Непрерывные диалогические контакты языковых личностей разных типов культур, реализующиеся в определенных коллективах / микроколлективах (семейном, профессиональном, конфессиональном и др.), в «своем кругу», приводят к «взаимной инкорпорации» [Гаспаров 1996: 115] языкового опыта партнера, присвоению ценностных установок и речеповеденческих стереотипов и их тиражированию. Просторечная культура открыта для разумных инокультурных «инвестиций», консервируя при этом то, что создает ощущение полноты и целостности представлений о народных основах жизни. Расхождение «шва» при стыковке лингвокультур обусловлено рядом причин, среди которых своеобразие языковой переработки чужого, инерция культурных и идеологических привычек, специфика механизмов коммуникативно-ролевого взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Семиотика города и городской культуры. Тарту, 1984. Вып. 664.

Н. А. Боровикова

Уральский федеральный университет

Адаптация мигрантов в русской лингвокультурной среде: взгляд преподавателя-русиста

Число мигрантов в Россию, в частности в Свердловскую область, в последние годы неуклонно растет, поскольку существует и спрос на рабочую силу, и предложение со стороны республик Средней Азии и Закавказья, а также (в меньшей степени) Украины и Молдовы. Неизбежным результатом массовых миграций является взаимодействие мигрантов как представителей определенного этноса с принимающим сообществом. К сожалению, такое взаимодействие происходит для обеих сторон далеко не безболезненно, в связи с чем адаптация мигрантов в русской среде является крайне актуальной.

Понимая под адаптацией процесс и результат активного приспособления этнических групп к условиям другой социокультурной среды, мы разграничиваем адаптацию социально-экономическую и культурно-речевую, хотя они тесно связаны между собой.

Успешная адаптация мигрантов зависит от множества факторов (характер миграционной и национальной государственной политики, скоординированные действия различных властных структур, защищенный правовой статус мигрантов, помощь общественных организаций соотечественников и т. п.) Для успешной адаптации мигрантов немаловажными оказываются и такие факторы, как индивидуально-личностные характеристики мигранта (возраст, уровень образования и профессиональной подготовки, общительность, личная мотивация, ценностные ориентиры, личностная самооценка и др.) и дистанция между взаимодействующими культурами, проявляющаяся прежде всего в степени схождения и различий в образе жизни и языках.

Основным направлением культурно-речевой адаптации мигрантов является овладение ими русским языком и приобщение благодаря этому к русской среде и культуре. Овладение русским языком позволяет мигрантам осуществлять свои коммуникативные

потребности, устанавливая необходимые контакты как с представителями власти и госслужб, так и с отдельными российскими гражданами на личном уровне.

Известно несколько различных стратегий адаптации мигрантов, среди которых наиболее предпочтительной считается стратегия интеграции, когда мигранты, сохраняя свою культуру, язык и многие традиции, тем самым сохраняя собственную национальную идентичность, принимают атрибуты культуры русского народа, толерантны к иному образу жизни и отличаются высокой степенью приспособляемости к иной культурно-речевой среде. Процесс интеграции мигрантов с русской культурно-речевой средой длителен и сложен. Роль школы и средств массовой информации в решении этой проблемы трудно переоценить. Назрела острая необходимость в создании курсов или даже школ для мигрантов, где они должны обучаться как русскому языку, так и получать знания по истории России, российскому праву и т. п.

В УрФУ на базе кафедры РКИ в 2012 году был организован Центр культурно-речевой адаптации мигрантов, основными направлениями работы которого определены обучение русскому языку мигрантов, подготовка учителей начальных и средних школ для работы с детьми мигрантов в классах с полиэтническим составом, проведение тестирования мигрантов по русскому языку как иностранному для получения разрешения на работу. Однако при кафедре РКИ УрГУ-УрФУ уже 13 лет действует Центр тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства, получающих гражданство РФ. Речь идет о двух разных категориях мигрантов: трудящиеся мигранты, приезжающие на сезонную работу, и мигранты, решившие связать свою судьбу с Россией и потому получающие гражданство РФ. Требования к владению русским языком для каждой из этих двух категорий разные. Трудящиеся мигранты должны владеть русским языком на уровне, достаточном для удовлетворения своих элементарных коммуникативных потребностей, однако при этом им необходимо владеть не только устной, но и письменной формой русской речи, а также всеми видами речевой

деятельности. Уровень культурно-речевой адаптации этой категории мигрантов в большей части очень низкий.

Другая категория мигрантов представляет собой неоднородную по национальному признаку, возрасту, уровню образования, профессиональной подготовки и степени социально-экономической адаптации класс соискателей российского гражданства. Уровень их культурно-речевой адаптации к русской среде также различен. Среди них выделяется группа лиц, не нуждающихся в культурно-речевой адаптации — это русские, вернувшиеся на свою историческую родину из бывших республик СССР, и украинцы, интегрированные в русскую среду благодаря близости наших культур и языков и тесным связям двух наших народов. Иначе обстоит дело с выходцами из республик Средней Азии и Закавказья. Многие из них живут на территории России 5–10 лет, у них активная жизненная позиция, достаточно стабильная трудовая деятельность, тесные контакты с представителями титульной нации (иногда семейные отношения). Это чаще всего мужчины среднего возраста и старше. Их социально-экономическая адаптация в основном успешно завершена, но культурно-речевая у многих отстает в силу, как правило, низкого уровня общей образованности. Многие из них не имеют законченного школьного образования, поэтому возникают проблемы с чтением и письмом не только на русском, но и на родном языке. Особо выделяется группа мигрантов-женщин, занимающихся исключительно домашним хозяйством и воспитанием детей, проживающих достаточно изолированно от русской среды. Их культурно-речевая адаптация осложняется социальной неадаптированностью. Часто овладение русским языком идет у них через их детей, посещающих детсады и школы. Наибольшие трудности с культурно-речевой адаптацией отмечаются у молодых людей из среднеазиатских и закавказских республик, никогда не изучавших у себя на родине русского языка, не имеющих контактов с русскими и не проявляющих личной мотивации к адаптации в русской культурной среде.

Однако следует отметить, что выходцы из бывших республик Советского Союза все-таки в большинстве своем неплохо пони-

СООБЩЕНИЯ

мают русскую речь и говорят по-русски, сложнее обстоит дело с чтением, письменной речью и грамматикой русского языка. Наши попытки организовать курсы изучения русского языка как иностранного для мигрантов разных категорий, к большому сожалению, оказываются безрезультатными: массовой заинтересованности в этом со стороны самих мигрантов нет. Основной причиной такого положения, по нашему мнению, является отсутствие государственного финансирования для этой цели.

Далее предполагается анализ наиболее типичных ошибок из тестов по РКИ для лиц, получающих гражданство РФ.

О. И. Асташова

Уральский федеральный университет

Речевая манера политического деятеля в зеркале поликодовости*

В докладе анализируются индивидуальные черты речевой манеры политического деятеля Н. Ю. Белых, которые реализуются в пределах полнофункционального типа речевой культуры. Мы наблюдаем сформированную коммуникативную компетенцию человека под влиянием речевой среды, профессионального образования и жизненного опыта. Для Н. Ю. Белых, человека с высоким уровнем речевой культуры, характерна поликодовость, которая обеспечивается талантливым усвоением тех социальных ролей, которые исполняет политический лидер.

Речь Н. Ю. Белых отличается книжностью, аналитическим строем речи, в котором логичность совмещена с развернутостью. В его речевом общении высок удельный вес прецедентных текстов из арсенала культуры. Поэтому наряду с книжностью его дискурса речедеятельность политика отличается активным привлечением языковых экспрессивных средств, что создает повышенную эмоциональность речи.

В общей характеристике речевой манеры Н. Ю. Белых сочетаются две стихии — внутренняя ориентация на интеллектуальный посыл, реализованная в языковых приметах книжности, и внешнее восприятие публичной речи политика как свободной и эмоционально-экспрессивной в своих вариантах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»)

В. И. Бортников

Уральский федеральный университет

**Эквивалентность как категория взаимного
соответствия разноязычных текстовых вариантов
(в истории и критике перевода)***

Проблема эквивалентности признается одной из центральных и не имеющих однозначного решения в современной теории перевода. Однако древнейшие примеры в истории перевода показывают, что представление о неравенстве эквивалента переводящего языка (ПЯ) единице в исходном языке (ИЯ) было сформировано на опытных основаниях задолго до теоретического осмысления межъязыковой асимметрии. Так, упоминаемое в Ветхом Завете растение, транскрибируемое с древнееврейского как *qīqajōn*, «видимо, не было хорошо известно в Европе» [Гарбовский 2004: 55]. В эпизоде, где над головой Ионы возникает тень этого растения (Иона 4: 6), древнегреческие переводчики использовали соответствие *κολοκύνθα* («тыква»), а Иероним в «Вульгате» (IV в.) предпочел «плющ» (*hedera*), хотя данная реалия не была ни плющом, ни тыквой. Тот же Иероним, выступая в качестве критика перевода, указывал на то, что мы сейчас назвали бы асимметрией знака, или графическим неравенством языков и эквивалентов: «Нужно ли... с надоедливым рвением переводить слоги и даже буквы, чего ни греческий, ни латинский не допускают?» [Гарбовский 2004: 78] Видно, что переводчик был так или иначе вынужден прибегать к некоторому обобщению всех тех случаев, которые в тексте создавали ситуацию выбора.

Понятия «буквальный» и «вольный» перевод, известные истории задолго до оформления теоретических концепций, наводят на мысль о том, что критика перевода, давая качественную оценку

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

тому или иному произведению, не могла обойтись без критериев соответствия переведенного текста (ПТ) исходному (ИТ).

ЛИТЕРАТУРА

Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Л. А. Бучельникова

Уральский федеральный университет

**Традиция фиксации устной речи
в романах современных писателей Урала***

В рамках современной литературы Урала действует сложившаяся еще в 19 веке традиция отображения реальной языковой ситуации. Творчество самых известных писателей региона (Ф. М. Решетникова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова) предопределило повышенный интерес к запечатлению устной живой речи в текстах авторов, пишущих об Урале.

Особенно очевидно обозначенная традиция реализует себя в романном жанре, где звучит «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» (М. М. Бахтин). Именно «полифонический» роман как нельзя лучше схватывает и фиксирует реально функционирующее разноречие, то есть «сопряжения и взаимодействия различных речевых форм».

Традиция фиксации устной речи воплощается в разнообразных модификациях в автобиографиях («Мальчик» Г. Дробиза), в социально-психологических произведениях («Три птицы на одной ветке» А. Чуманова, «Улица Пирамидальных тополей» И. Шаманаевой), в романах «мифологов-сказителей» («Екатеринбург» В. Исакова, «2017» О. Славниковой).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

Разноречие в современном романе Урала каждый раз предстает в специфическом авторском варианте, который складывается под влиянием жанровых, стилевых, композиционных и многих других условий литературы. В качестве самых распространенных способов фиксации живой речи можно обозначить введение в текст рассказчиков из разных социальных страт, разработку включенных в повествование разножанровых городских историй, моделирование сложной субъектно-объектной организации текста и т. д.

Описание форм фиксации городского разноречия в романах современных писателей Урала будет выполнено на материале текста «Три птицы на одной ветке» А. Чуманова.

И. Т. Вепрева

Уральский федеральный университет

О полиглоссии русской речевой личности (по данным метаязыковой рефлексии)*

Вербализованная метаязыковая деятельность говорящего / пишущего позволяет выявить поликодовый набор языковых средств в рамках одного языка, необходимых говорящему при порождении речевого произведения. Индивидуум предстает в своей речевой деятельности как полиглотическая личность, умело пользующаяся возможностями родного языка.

В ходе анализа корпуса метаоператоров выделено несколько типов полиглоссии. 1. Говорящий имеет возможность выбрать языковую единицу любого хронологического среза, сопровождая метаоператорами *как принято сейчас говорить* или, наоборот, *по-старинному / как в старину говорили, говоря советским языком*. 2. Коммуникативная ситуация стимулирует говорящего на

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»)

выбор единицы разного стилистического регистра — для поднятия стилистического «градуса» своего выражения: *пышно выражаясь, пафосно говоря*, или для его понижения: *говоря народным языком, по-простому, выражаясь жаргонным языком*. 3. Говорящий обычно в своей речевой практике идентифицирует себя по отношению к своей профессиональной группе. Расширяя диапазон своих языковых возможностей, он переходит на язык других групп: *говоря математическим языком, говоря языком рекламы, говоря на кинематографическом языке, на финансовом языке, на богословском языке* и т. д. 4. В языковом сознании говорящего существует оппозиционная пара *свой* — *общий* для всех говорящих на одном языке *лексикон*. Наличие своего индивидуального лексикона обнаруживается, когда говорящий употребляет «свое» слово, необходимое ему по ходу выражения мысли, не найдя подобного в «общем» языке. При этом лексема сопровождается развернутым метаязыковым комментарием.

Т. А. Гридина

Уральский государственный педагогический университет

«Субъязык» игрового художественного идиостиля (на материалы творчества С. Д. Кржижановского)

Сфера литературно-художественного творчества — уникальный коммуникативный регистр, использующий специфические коды общения с читателем, в том числе коды языковой игры. Игровой идиостиль оперирует особым «субъязыком», транслирующим мысль автора в нестандартном ассоциативном ключе. Доминантами игрового «субъязыка» С. Кржижановского выступают:

1) обыгрывание символики ключевого слова через «гнездо» текстовых дериватов, создающих эффект наложения этимологических и синхронно актуальных смыслов (ср. *странно* — *стран-*

ный — странствовать — пространство — страна и окказиональное *страннеть* в новелле «Странствующее Странно»; актуализированная связь транслирует сквозную для творчества писателя идею самоидентификации личности, определения пространства ее внутренней свободы); 2) оксюморонная сочетаемость (по принципу ассоциативной провокации) — взгляд на изображаемое в зависимости от избранной художником точки отсчета, что обнаруживает относительность расхожих истин (ср. «Прикованный Прометеем», «Чем люди мертвы».); 3) транспозиция слова в другой грамматический класс (субстантивация частиц, наречий). Такие опредмечивающие номинации придают слову статус игрем с символикой ирреальной бытийности («Страна нетов», «Чути-чути» и др.); 4) обыгрывание культурных прецедентов как способ символического иносказания (ср., например: *Когда рак свистнет... — И рыба запоет* — обозначение жизненной философии выживания путем игрового отзеркаливания внутренней формы фразеопрототипа); 5) аллюзивное моделирование семантики квазиденотата (новелла «Мухослон»).

В целом можно отметить, что основными функциями ЯИ в поэтике С. Кржижановского является углубление ассоциативного наполнения образа, участие игрем в сюжетостроении, создании символической презентации выражаемой идеи как поля для эвристического взаимодействия авторских и читательских рефлексий над словом.

С. Ю. Данилов

Уральский федеральный университет

Отказ от кодифицированной нормы как маркер Интернет-коммуникации*

Интернет-коммуникация дает обширный материал для изучения многоглаголия. Блоги (интернет-дневники) становятся «своего рода «узлами» интернет-коммуникации» [Мечковская 2009: 452]. Учет потенциального массового адресата определяет установку на многоглаголие в исходных сообщениях пиар-блога [Данилов 2011: 4]. Так, в «Живом журнале» екатеринбургского политика Леонида Волкова исходное сообщение «Изгнание блудниц» содержит маркеры многоглаголия, позволяющие переключаться с языка документа в соответствии с требованием ясности изложения: «*Кому лень читать бумажку, в ней вот что написано. Жильцы возбудились на перерасход электричества и воды на общедомовое потребление, пришли к нам, мы им подсказали, что надо проверить всех потребителей, всех арендаторов*» [URL: <http://leonwolf.livejournal.com/486639.html>]. Осознанный отказ от кодифицированной нормы в рассмотренных исходных сообщениях пиар-блогов явление крайне редкое.

Маркером многоглаголия в читательских комментариях пиар-блога типично становится отказ от кодифицированной нормы (употребление неверных орфографических вариантов: *аккупация, девченка*; жаргонизмов: *терпила*; обсценной лексики). Иллюстративный материал комментариев взят из «Живого журнала» общественного деятеля Евгения Ройзмана, комментарии к сообщению «Закончилась история Сагры» [URL: <http://roizman.livejournal.com/1538229.html?nc=260#comments>].

В докладе описываются «условия конвенционального отторжения «чужого» слова и конвенционального приспособления

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение № 14.А18.21.0273, проект «Многоглаголие в социокультурном пространстве современной России»).

последнего к речи «своего» круга» [Купина 2013] в аспекте становления интерпретативных норм [Боярских 2012: 99].

ЛИТЕРАТУРА

Боярских Е. Г. Этикет живого журнала // Неклассические письменные практики современности : коллективная монография / под ред. Т. В. Шмелевой. Великий Новгород, 2012. С. 94–98.

Данилов С. Ю. Пиар-блог: речежанровая структура текста. Материалы исследования. Сагра 2011. СПб. : САГА, 2011. 52 с.

Купина Н. А. Разноязычие и многообразие в социокультурном пространстве России: к постановке проблемы. — В печати.

Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М. : Флинта ; Наука, 2009. 584 с.

С. С. Заяц

Уральский федеральный университет

Актуализация разноязычных единиц в речи школьников как средство воспитания толерантности

Воспитание толерантности – одна из важных задач современного общества. В Санкт-Петербурге действует программа «Толерантность», которая направлена на решение данной задачи с 2011 по 2015 год. «Словарик толерантности» для школьников — часть данного проекта. Основной целью словаря является демонстрация разнообразия человеческих культур, религий, отношений. Словник включает в себя 54 единицы, которые должны давать современному школьнику представление о многообразии культур в мире, об объектах толерантного отношения, так как слова отобраны по принципу оппозиции *свой — чужой*. Знакомство с «чужой» лексикой, внедрение новых слов в активный запас современных школьников, актуализация разноязычных единиц воспитывает терпимость к другому.

Треть словника – термины различных конфессий, наиболее значимые для религии и необходимые для современной коммуникации. Они описывают культовые строения религии (*кирха — лютеранский храм...; минарет — круглая высокая башня в исламской архитектуре...*), духовные звания священнослужителей в церковной иерархии (*ахун — у мусульман Ирана и Российской империи старший священнослужитель...; гуру — в индуизме так называют духовного наставника, учителя...*), религиозные обряды и таинства (*канонизация — ...причисление человека к лику святых за особые заслуги...*), элементы религиозной картины мира (*карма – в индийских религиях закон Вселенной...*), книги, связанные с религией (*тора — священная книга, которой Бог одарил пророка Моисея на горе Синай*).

Интересно, что даются номинации близких, схожих реалий (например, в словнике фиксируются названия мест для моления из нескольких религий), и таким образом школьникам демонстрируется не только различие конфессий, но и существование некой общности, сходства.

Внедрение разноязычных единиц в языковое сознание школьника рассматривается составителями Словаря как метод воспитания толерантности, т. е. через лексику дается понимание, что нет плохих религий – есть разные конфессии, каждая из них имеет свою историю и культуру, и каждая имеет право на существование.

ЛИТЕРАТУРА

Программа Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность» [Электронный ресурс]. URL: <http://spbtolerance.ru/> (дата обращения: 15.02.13).

Михайлова Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 171 с.

О. В. Ильина

Уральский федеральный университет

Многоязычие в уральской прессе

Урал, как и многие другие регионы России, характеризуется богатым этническим составом. Так, в Ассоциацию национально-культурных объединений Среднего Урала входит 27 этнических групп. И многие народы, проживающие на Урале, имеют собственную периодическую печать. На Урале издаются газеты «Саф Чишма», «Менора» и др. В таких газетах, как правило, публикуются тексты на разных языках. Например, газета «Саф Чишма» публикует часть текстов на русском, часть – на татарском языке.

При этом для двуязычной прессы характерна языковая интерференция [Вайнрайх 1972]. Например, иноязычная лексика в русской либо иноязычной графике активно включается в русские тексты: *В теплый воскресный день женщины нашей группы собрались в Меноре, чтобы со всеми женщинами Проекта Кешер незадолго до ПЕСАХА провести женский СЕДЕР по специальной Аггаде* (Менора. 2012. Апр.); *Теперь испробовать настоящий татарский бәлеш можно в Екатеринбурге* (Саф Чишма. 2012. Окт.). Часто используются иноязычные вкрапления, не освоенные русским языком. Но переводить их в редакциях газет не считают нужным, так как эти слова понятны целевой аудитории, передают национальный колорит и, как правило, относятся к безэквивалентной лексике [Верецагин, Костомаров 2005: 67].

Формальная и содержательная специфика национальной периодической печати обусловлена не только двуязычием авторов, но и необходимостью создавать привлекательный образ этноса, сохранять культурные традиции, язык, историческую память народа, формировать групповую идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейга. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.

Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. М.: «Индрик», 2005. 1040 с.

Е. А. Исакова (Шишканова)

Уральский федеральный университет

Полицейский как «Другой»: речевые способы репрезентации*

Применяя понятие «Другой» при анализе медиадискурса, отметим, что в качестве такого персонажа в журналистских текстах выступает тот, кто не включен в целевую аудиторию данного СМИ. Рассмотрев все тексты рубрики «Репортаж» журнала «Русский Репортер» за 2011–2012 гг., мы выделили несколько оснований для дистанцирования «Другого»: (1) наличие заболевания, в том числе, наркотической или иной зависимости; (2) принадлежность к социальной категории осужденных, (3) принадлежность к определенному этническому сообществу, (4) принадлежность к определенной субкультуре, (5) наличие профессии, относительно которой в обществе сложились негативные стереотипы.

Инаковость персонажа отражается в речевых показателях, которые можно обнаружить в тексте в результате реализации приемов, типичных для конструирования образа героя: номинирование, описание его внешности и поведения, речевая характеристика, включение биографических сведений и диалогических фрагментов. Так, например, в репортаже Ю. Гутовой «Убойный гуманизм» («РР» № 43 от 31.10.12), который можно отнести к категории (5), конструируется образ полицейского. Показателями инаковости выступают: уменьшительные формы имен героев, вступающие

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России. Соглашение № 14.А18.21.0273).

в контраст с чертами характера (*Пуся, Леня*), отталкивающая, «бандитская» внешность, особая связь с профессией («*За мента я горло перегрызу*»), изменившей жизнь героя, наличие единиц особого языкового кода среды: слова уголовно-юридической сферы, жаргонизмы, обценнизмы.

От того, как репрезентируется образ «Другого» в современных текстах СМИ, зависят возможные пути развития взаимоотношений между различными социальными категориями и их представителями.

И. А. Истомина

Уральский федеральный университет

Старообрядцы: традиции, ценности, язык*

Старообрядчество определяется сегодня как мировой феномен. Староверы истово сохраняют исконные русские традиции и ценности, мужественно борются за свою веру, могут служить образцовой моделью развития общества. После событий XVII века староверы оказались расселены по всему земному шару. Что помогло им сохранить собственную русскость, не раствориться в иноязычной, инородной среде? Прежде всего, единство веры и единство семьи. Два этих фактора самосохранения неразрывно связаны, ибо земное и небесное тесно переплетается в сознании староверов. Целостность их мировоззрения обусловлена системой ценностей: **Бог — вера — семья — человек — молитва — труд**. Опорные ценности составляют фундамент культуры староверов и определяют тематическое наполнение устных текстов уральских старообрядцев. Материалом исследования послужили устные рас-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

сказы старообрядца часовенного согласия (Свердловская область, Шалинский район), относящиеся к жанру воспоминания.

Верховной ценностью староверов является Бог: он определяет отношение к земной жизни, к смерти. Вера как естественное духовное состояние служит мостом между двумя сферами — земного и Небесного, подкрепляется молитвой, обеспечивающей неразрывную связь с Богом. Человек мыслится как звено в родовой цепи, задача которого — сохранить и передать веру и опыт последующим поколениям.

Семья в картине мира староверов — это не только кровное единство, но общность во Христе. С одной стороны, семья выделяется как ячейка макромира старообрядчества, внешне практически идентичная остальным семьям, с другой, — мыслится как полноценная малая Церковь, живущая по Закону Божию. Старообрядческая семья — замкнутая, абсолютно автономная система, существующая по принципам, выработанным в нечеловеческих условиях уничтожения.

Для староверов характерна обрядовость взгляда на реальное течение времени, которое совпадает с философским взглядом на время. Время в представлении староверов вписано в календарную сетку, где каждая календарная дата является выделенной, соответствующей определенной разновидности трудовой деятельности. На основе записанного материала мы выделили следующие разновидности трудовой деятельности — земледельческую и хозяйственную, а также деятельность, связанную с воспитанием детей (не отмечается календарем). При этом хозяйственная деятельность либо осуществляется, либо нет, и пропуск указывает на совпадение с религиозным праздником. Так, Бог заповедал людям трудиться, а праздник выступает как время заслуженного отдохновения. Значит, жизнь мыслится как время трудов и отдохновений.

Язык старообрядцев отражает «непосредственную», то есть сформированную на основе опыта, трудовой деятельности, картину мира [Попова, Стернин 2007: 51] и основанную на вере религиозную картину мира. Базовые концепты картины мира старовере-

ров («основные ячейки культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997: 41]) совпадают с номинациями ценностей.

Таким образом, система представлений старообрядцев четко структурирована, основана на семейных традициях и устоях, которые, как показывает история, не подвержены времени, остаются базисом жизни старообрядцев и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток — Запад, 2007. 314 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.

Т. В. Ицкович

*Российский государственный
профессионально-педагогический университет*

Группа прихода в социальных сетях как форма религиозной коммуникации*

Сегодня различные формы религиозной коммуникации широко представлены в интернете (официальные сайты приходов, сайты священнослужителей, сайты православных СМИ и т. п.). Одна из активно функционирующих форм религиозной коммуникации — группа прихода в социальных сетях.

Рассмотрим особенности религиозной коммуникации в группе на facebook «Приход храма Свт. Иннокентия Московского»). Группа носит название «секретная группа» и на первой странице имеет ссылку на основную приходскую группу. Тип аудитории «секретной группы»: воцерковленные, образованные (имеющие одно или несколько высших образований, кандидаты наук), актив-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение №14.А18.21.0273)

ные пользователи интернета, зарегистрированные на facebook, составляющие сравнительно небольшую часть прихожан храма (в группе зарегистрировано 50 человек).

Основные разделы страницы: приход, информация, мероприятия, фотографии, файлы. Активно заполняются разделы «фотография» и «приход», последний является основным.

Выделяются следующие виды рассылок: ссылки на публикации в СМИ, объявления, просьбы о помощи, комментарии по актуальным темам.

Ссылки на публикации в интернет-изданиях даются по актуальным темам: скандал вокруг группы Pussy Riote, закон Димы Яковлева, деканонизация святых, избрание Папы Римского, падение челябинского метеорита – и могут носить нетрадиционный, дискуссионный характер.

Члены группы отправляют рассылки в соответствии со своей сферой интересов, своими вкусами и предпочтениями. Зачастую ссылки сопровождаются комментариями отправителя. [Karl Friedrich Hieronymus](http://hab.kp.ru/daily/26049.3/2961619/) Интересный взгляд на нового папу. <http://hab.kp.ru/daily/26049.3/2961619/>.

Широко представлен жанр объявления: [Oleg Matveyev](http://www.justmedia.ru/report/114461) В Екатеринбурге открылась выставка «Великая Династия – Великая Россия» Выставка посвящена избранию на царство первого царя династии Романовых <http://www.justmedia.ru/report/114461>; просьба о помощи: [Алексей Кузнецов](#) БРАТИЯ И СЕСТРЫ! Помолитесь о ЗДРАВЬИ болящей рабы Божией матушки Ирины. Матушка моего Духовного Батюшки — о. Сергия Вогулкина ПОПАЛА В ДТП!!!

В речи отправителей смешиваются языковые средства разных «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон): высокая, книжная лексика и просторечие, язык интернета.

Об экспериментальном изучении полигlossии*

Задача исследования — осуществить опыт лингвориторического портретирования Ксении Собчак (далее также КС). Информанты — 50 студентов 1–3 курсов филологического и экономического факультетов УрФУ. Задание: «Продолжить предложение: 1) «Ксения Собчак — это...», 2) «Речь Ксении Собчак...». Варианты ответов дают представление о том, какой образ КС сложился в сознании студенческого сегмента массовой аудитории.

Таксономические, или классифицирующие предикаты (Н. Д. Арутюнова) выделяют статусно-ролевую характеристику субъекта. Один из самых высокочастотных предикатов — *телеведущая* (14 раз). Это говорит о том, что профессиональная деятельность КС, ориентированная на массовую аудиторию, является существенным основанием предикации образа ратора. В 8 ответах находим таксономические указатели *участница митингов, оппозиционер*. КС стала восприниматься как оппозиционный политик.

Не менее частотным является предикат *светская львица* — знак коллективного представления о социальной среде, к которой принадлежит КС. Уточняющий предикат *дочь богатых родителей* выделяет эту среду как органическую: КС не пришлось добиваться «пропуска» в мир элиты. Можно говорить о развороте образа ратора, его погружении в так называемый «гламурный» дискурс.

Классифицирующие предикаты дают возможность сформулировать гипотезу о полиглотизме субъекта речи или реализации в речи КС «относительно специфических» и «абсолютно специфических» (Ю. М. Скребнев) по крайней мере трех субъязыков.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение №14.А18.21.0273).

О некоторых особенностях одного субъязыка в сети Интернет

Луркоморье (Lurkmore) — веб-сайт, который представляет собой альтернативную энциклопедию фольклора и субкультур (чаще сетевых), служит для Интернет-пользователей справочником понятий и терминологии русской культурной жизни во всех ее проявлениях, развивается и пополняется за счет коллективного труда сообщества авторов, являющегося, как правило, неоплачиваемым и добровольным. Статьи сайта должны быть информативными, смешными с точки зрения большинства редакторов («содержать лулзы»), максимально объективными.

По мере наполнения сайта-энциклопедии материалом сложилась своеобразная манера изложения, сформировался корпус понятий, слов и устойчивых выражений, в связи с чем появился термин «луркоязы», появился субъязык, с 2008 года, по мнению пользователь, активно и широко используемый в сети Интернет.

Это языковое явление, несомненно, представляет большой интерес для исследователя-лингвиста с точки зрения изучения адаптации заимствований, концептов современных сетевых субкультур, актуальных тенденций в языке и языковых процессов и пр.

Можно назвать несколько особенностей «луркоязы».

1. Наличие языковой рефлексии: имеются словарь (около 1000 единиц), «портрет» носителя луркоязы, описание сферы употребления, описание специфики луркоязы (*порождённые фразы забавны и в какой-то мере даже изящны, а некоторые и вовсе являются очень удобными терминами; язык Луркомора не есть язык коммуникативный — это жаргонный стиль повествования слова из луркоморского словаря; язык Луркоморья относится к так называемому «публицистическому стилю», поэтому в разговорной речи совершенно не катит; Луркоязы действительно является одним из хороших способов добиться комического эффекта, иронии...*).

Функции новейших заимствований в языке уральского города*

Екатеринбург — стремительно развивающийся индустриальный город, крупный культурный центр. Вербальные средства в текстах рекламы и СМИ, которые и формируют языковую картину города, требуют использования специальных пластов лексики, наиболее эффективно воздействующих на потенциального потребителя. Сегодня одним из основных инструментов влияния становятся новейшие заимствования. Они своим внешним видом, своей не вполне ясной семантикой способны воздействовать на «массовое сознание» горожан.

Под новейшими заимствованиями мы понимаем все иностранные слова, используемые в современных текстах рекламы, которые не получили отражения в толковых словарях, то есть находятся на первых этапах освоения: сохраняют исконную орфографическую и грамматическую форму или транслитерируются, транскрибируются и тем самым оказываются непривычными для носителей русского языка.

Источником языкового материала служат тексты влияния (Н. А. Купина) — внешняя реклама (рекламные щиты, вывески, плакаты, надписи на магазинах, рекламные буклеты) и внутренняя реклама города Екатеринбурга. Мы не брали искусственные номинации городских объектов, представляющие собой названия фирм, компаний, брендов и т. п., так как свой чужеземный облик они сохраняют, подчиняясь законам экономическим, а не законам принимающего языка.

Иноязычия в рекламе, выполняя информативные и текстообразующие функции, в основном прагматически маркированы:

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (соглашение №14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

2. Широкое употребление, наряду с терминологией различных областей знания, ненормативной лексики (в том числе мата).

3. Высокая степень экспрессии, связанной с целью создания текстов — описать явления культуры в сатирической и/или иронической манере.

4. Широкое использование аббревиации, которой подвергаются не только сложные наименования (*МПХ, ФГМ, ГСМ* — гуманитарный склад мышления), словосочетания (*IRL* — in real life, *ИЧСХ* — и что самое характерное, *ВИБ* — всем известный вопрос), но и целые предложения (*АПВС* — а почему вы спрашиваете?, *ВА* — вы антисемит?). Цель создания аббревиатур, как кажется, не только стремление к компрессии текста, сколько выработка узко употребляемых терминов (*КО* — Капитан Очевидность), а также эвфемизация (так, аббревиатуры *МПХ, НЭХ, БП* и ряд других содержат обсценную лексику).

5. «Использование дореволюционной орфографии, зачастую въ нарочито преувеличенных масштабахъ. Въ частности: твердые знаки въ концѣ каждагоѣ словаѣ».

6. Нарочитое пренебрежение нормами орфографии (*фошисты, поцреот* (вместо патриот), *жыды, проЭкт, смицьно, поциенты, моск* (вместо мозг), *кагбэ* (вместо как бы) и пр.)

7. Большое количество экспрессивных неологизмов (*кащенята, кащенки, подкащенки, недокащенки, гитарасты, либерасты, журнализды*).

8. Плеоназм в наименованиях (*гомосексуальный израильский гей, еврейские расовые жиды*).

9. Образование терминов на основе неадаптированных заимствований (*Этик Вин* (англ. epic win — эпическая победа) — крайняя степень одобрения).

10. Наличие синонимических рядов для терминов луркоязы (*Луркоморье, Лохоморье; «Единая Россия», (в)ЕдРо, ПЖиВ, Партия Воров, Убийц и Педофилов; Партия Неподкупных чиновников, Доедим Россию*).

служат декоративным, аттрактивным, побудительным, стилеобразующим, компрессирующим средством. В связи с этим мы выделяем следующие функции новейших заимствований в языке уральского города:

1. Номинативная функция.

Использование новейшего заимствования вызвано необходимостью обозначения предметов и явлений, отсутствующих в русском языке: *фэн-шуй, смартфон, скинали, леггинсы, «фейжсоада», «туту», «сарпател», «карне-ду-сол»* и др.

2. Прагматическая функция.

Новейшие заимствования появляются в языке города для привлечения внимания к той или иной продукции и так воздействуют на массовое сознание, что потребителю эта продукция должна казаться лучше других подобных: *restaurant, sale, hot price, new collection, la boutique de vin, fashion mall, luxury shop*. Часто иноязычная лексика в этой функции поддерживается различными графическими выделениями.

3. Престижная функция.

Иноязычная лексика возникает в качестве модной лексики: *шопинг, бренд, бутик, make-up, релаксация*.

4. Культурная функция.

Вкрапления выполняют роль характеристикаторов национальной культуры: *love story* — характеристикатор «гламурного» мира романтического европейского кино.

5. Игровая функция.

Заимствования включаются в текст для создания комического эффекта, например, в рекламе магазина, где каждая страна написана на языке, на котором в ней говорят: *Media Markt № 1 в Европе: BELGIE, DEUTSCHLAND, ЕЛЛАДА, ESPANA, ITALIA, MAGYARORSZAG, NEDERLAND, OSTERREICH, POLSKA, PORTUGAL, РОССИЯ, SCHWIZ, SVERIGE, TURKIYE*; или стилизация под немецкую речь: *Дарите любимым Фантастиш*.

6. Эвфемистическая функция.

Новейшие заимствования завуалировано изображают суть явлений: *кавитация* — процедура по коррекции тканей, запрещенная медицинской конвенцией.

7. Декоративная функция.

Иноязычная лексика гармонично вписывается в общий иноязычный контекст языка уральского города. Например, вкрапление **FRESH ORANGE** поддерживает иноязычное название кафе «Juice master»; *А-ля принцесса, ангел, фея, love, pink, неженка* и т. п.;

8. Компрессирующая функция.

Новейшие заимствования появляются с целью экономии усилий, то есть русские словосочетания заменяются отдельными иноязычными лексемами: *хаммам* вместо *турецкая баня*, *ар-деко* вместо *декоративное искусство*.

Таким образом, новейшие заимствования в языке уральского города функционально нагружены, за счет чего им удается легко и эффективно воздействовать на «массовое сознание».

Е. В. Литовская

Уральский федеральный университет

Стратегии использования разноречия как способа популяризации интернет-блога

Русскоязычный Живой Журнал (далее — ЖЖ) в конце 2000-х годов стал особым феноменом в интернет-общении: это было информационное пространство, на котором оттачивались новые механизмы открытой двусторонней дискуссии между известными авторитетными людьми и неоднородной по своим социальным характеристикам читательской аудиторией. Для такого типа диалога была необходима новая модель общения и новый язык.

Новый тип коммуникации требовал пересмотра и системы коммуникативных моделей, а также определения собственной

идентичности, в том числе «своей» темы, желаемой роли в коммуникативной иерархии, способов подачи материала, выражения эмоций, индивидуальной манеры общения с читателями и т. д.

Так как формат личного дневника обычно не предполагает большого набора выразительных средств, а публичное информационное пространство, наоборот, его требует, в ЖЖ вырабатывается особая форма письменной разговорной речи, где смешиваются элементы всех функциональных стилей и некодифицированных субязыков, т. е. в полной мере проявляется разноречие.

Всех популярных блоггеров объединяет то, что они методом проб и ошибок нашли свою речевую стратегию, подходящую под специфику интернет-общения, основными чертами которого являются поляризованность участников коммуникации, жесткое разделение на «своих» и «чужих», речевая агрессия. Вместе с тем каждый блоггер, создавая образ автора, выбирает собственные лингвистические и экстралингвистические средства. На первом этапе блоггеры, чтобы стать «своим» для широкого круга читателей, чаще всего обращаются к просторечию и обценной лексике. В дальнейшем некоторые из них трансформируют стратегию, оставив сниженную лексику для определенной информационной сферы своего блога — личной (блоггер *Belonika*) или профессиональной (блоггер *tema*) и **придерживаясь нормативности и эмоционально-экспрессивной нейтральности** в других.

Основным материалом нашего исследования является блог Вероники Белоцерковской *Belonika* с привлечением материала из других блогов (ЖЖ Артемия Лебедева, Татьяны Толстой и др.). Мы рассмотрим, как изначальная направленность на речевую агрессию и просторечная экспрессивность сменяется сначала стилистической сепарацией тематических блоков ЖЖ, а затем коммуникативной стратегией использования авторского разноречия как индивидуального стиля.

«Что такое счастье, каждый понимал по-своему...»: о различиях в осмыслении концепта молодыми носителями языка*

Наша работа посвящена исследованию психолингвистического значения концепта *счастье*. Счастье является ключевым концептом в русской языковой картине мира, представляя безусловную жизненную ценность. Цель нашей работы — выявление различий в понимании концепта представителями разных социальных и возрастных групп на базе анализа речевых реакций.

Нами был проведен экспликативный эксперимент среди молодых носителей языка трех разных возрастных групп — детей (дошкольников и младших школьников), школьников и студентов — для выявления сходства и различия в понимании содержания концепта. В эксперименте приняли участие 55 человек: 28 школьников, 27 студентов и 32 ребенка. В докладе будет представлена атрибуция признаков, полученных в результате эксперимента с целью определения того, совпадают ли в сознании молодых носителей языка общеязыковое и психолингвистическое содержание. Будет представлено структурирование выявленных признаков по отношению к образному, информационному содержанию и интерпретационному полю концепта.

Проведенное нами исследование позволило сравнить понимание концепта *счастье* молодыми носителями языка разных возрастных групп. При вербализации концепта испытуемые показали разный уровень культурных знаний, актуализацию различных речевых средств. Школьники в свернутом виде иллюстрируют все зоны концепта, в то время как студенты в большей мере уделяют внимание понятийной и интерпретационной зонам. Детские

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.А18.21.0273, проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

ответы наиболее специфичны, преимущественно отражают образное содержание концепта.

Т. В. Матвеева

Уральский федеральный университет

Многоречие в индивидуальной речевой практике личности

Многофакторность речевого общения имеет следствием развитую вариативность форм и способов вербального взаимодействия. Подход с позиций многоречия открывает возможность группировать речевой материал разговорных акций, реакций и трансакций на особом — лингвопрагматическом — основании и стремиться к выводам, касающимся эффективности общения. Аспект лингвопрагматики в этом случае близок риторическому и культурологическому.

Понятие многоречия может интерпретироваться на материале первичных жанров (классов высказываний), обусловленных отдельными параметрами коммуникативной ситуации. Приняв в качестве исходного положение о том, что речевой жанр является устойчивой формой системно-речевого структурирования [Салимовский 2000; Дементьев 2010], сосредоточимся на факторе адресата.

По Аристотелю, адресат — это «конечная цель всего», приоритетная сторона общения. Индивидуальное многоречие личности связано с необходимостью подлаживаться к адресату, учитывать его интересы, обстоятельства, речекультурные возможности. Методы и приёмы речевого приспособления могут быть описаны в терминах лингвопрагматики и жанрологии, с особым вниманием к зонам коммуникативного напряжения, конфликтности. Эти зоны связаны с активностью первичных речевых жанров несогласия, возражения, выведывания, высмеивания, издёвки, иронии,

колкости и под. Речекультурное рассогласование (разность языкового воспитания, стилистической манеры) составляет вторую линию возможного коммуникативного напряжения.

Желаемая эффективность общения связана с применением ряда речедеятельностных операций гармонизирующей направленности, предупреждающих и снижающих конфликтность. Применительно к зонам коммуникативного напряжения систематика речевых жанров может быть привязана к известным постулатам Г. Грайса, конкретизирующим принцип сотрудничества [Грайс 1985]. Так, в конфликтной зоне коммуникант, стремящийся не допустить конфликта, должен повышать информативность высказывания, вводя дополнительную информацию, или, напротив, прибегать к фигуре умолчания (корректировка максимы количества), увеличивать обоснованность оценок (максима качества), заботиться о ясности речи (максима манеры речи). Речевая реализация каждой из этих позиций многообразна. Часть речевых моделей рассмотрена в риторике (например, в связи с типологией аргументов).

Эталоном индивидуального многоречия является, видимо, гибкость речевого поведения, опирающаяся на обширный речевых жанровый репертуар и общее внимание к адресату как носителю определённой социальной роли, психофизического типа, представителю определённой речевой культуры. Опорой такого подхода является ценностное отношение к коммуникации и представление о речекультурной стратификации социума.

ЛИТЕРАТУРА

- Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.
- Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М., 2010.
- Салимовский В. А.* Жанры речи как функционально-стилистический феномен // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

Русский язык для трудовых мигрантов: из опыта педагогической работы

Федеральный закон РФ от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ вступил в силу с 1 декабря 2012 года и обязал трудовых мигрантов, работающих в сфере ЖКХ, торговли и бытового обслуживания, сдавать экзамен по русскому языку. По всей стране стали открываться Центры тестирования, которые организуют курсы по изучению русского языка и проводят экзамены, необходимые мигрантам для получения разрешения на работу. Обратим внимание на основные трудности, возникшие при работе с новой аудиторией.

Во-первых, контингент мигрантов оказался довольно неоднородным. Основная масса – приехавшие на заработки из Средней Азии. Среди них есть мигранты, давно работающие в России и успевшие адаптироваться, но есть и те, кто только месяц живет на территории другого государства. Мигранты, учившиеся в советских школах, как правило, хорошо говорят по-русски, у остальных отсутствуют даже элементарные знания русского языка.

Во-вторых, у тех мигрантов, которые владеют разговорным русским языком, возникают трудности в освоении грамматики (склонение существительных, категория рода, согласование прилагательных с существительными, употребление предлогов и др.). Очевидна необходимость корректировки знаний.

В-третьих, мигранты, которые давно живут и работают в России, осваивают русский язык методом «погружения». Для их речи характерно наличие нелитературных элементов (жаргонных, просторечных слов, нецензурной лексики). О нормах литературного языка большая часть мигрантов не имеет представления.

В-четвертых, не у всех мигрантов есть заинтересованность в изучении русского языка. Многими движет материальный интерес, а не желание адаптироваться к языку и культуре России. Сложилась тревожная ситуация «государство в государстве», характерная для многих российских городов.

Отражение многогочечия в Толковом словаре русской разговорной речи*

Конец XX столетия ознаменовался небывалым подъемом лексикографии. Различные фрагменты языковой картины мира, все уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания и даже художественные произведения воплощаются в форме словаря. Не остались в стороне интересы лексикографов и неcodифицированные страты языка. Известны изданные в последние годы словари и территориальных, и социальных диалектов, фиксирующие особую лексику как средство общения замкнутых групп. Однако и в пространстве коммуникации, осуществляемой на основе codифицированного литературного языка, наблюдается полигlossия, или многогочечие.

Толковый словарь русской разговорной речи, работа над которым ведется в ИРЯ им. В. В. Виноградова, является собой первый опыт описания разговорной речи как подсистемы литературного языка. Сегодня сфера использования разговорной речи расширилась: наряду с типичными формами коммуникации (бытовые ситуации) в круг ее активного применения вовлекаются ситуации публичной коммуникации. Русская разговорная речь начала XXI века претерпела некоторые изменения как в составе словаря, так и соотношении различных стилистических ее слоев. Стилистические изменения вызваны массовым проникновением в разговорную речь просторечия и жаргонов. Как пишут составители, можно говорить об определенной разношерстности лексики, которая составляет словарь современной разговорной речи [Толковый словарь 2010]. Это, с одной стороны, разговорные слова и обороты с давней «интеллекгентной» традицией (*всыпать, зяядлый, сорвать*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Соглашение 14.А18.21.0273, проект «Многогочечие в социокультурном пространстве современной России»).

заседание и др.), а с другой, разнообразные единицы, несущие нередко на себе следы определенной социальной среды (*блудливый, заказуха, наколоться* и др.). Поскольку в отличие от других форм некодифицированной речи — территориальных диалектов, просторечия, жаргонов — разговорной речью владеют носители литературного языка, можно говорить о том, что они являются и носителями многозначности.

ЛИТЕРАТУРА

Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / под ред. Л. П. Крыкина. М., 2010.

Ю. Н. Михайлова

*Уральский институт экономики,
управления и права*

Разноречие в современной электронной коммуникации

Общение сегодня интегрировано в интерактивные информационные сети. Изменение характера коммуникации, обусловленное изменением канала связи, влияет на речевое поведение коммуникантов. Л. Ю. Иванов в «Справочнике по культуре русской речи» пишет, что язык средств электронной коммуникации можно в настоящий момент признать функциональной разновидностью русского языка. Указанная разновидность языка стилистически не замкнута и не может быть сведена ни к одному из функциональных стилей и других функциональных разновидностей языка. Ее нельзя связать ни с одной специальной сферой коммуникации или типом дискурса (научного, религиозного, образовательного и пр.). И эта разновидность языка обслуживает обыденное человеческое общение [Иванов 2003: 792].

Употребление жаргонизмов в электронной коммуникации — типичное явление, своеобразный языковой код, подчеркивающий

принадлежность коммуникантов к неформальной молодежной тусовке: *Да не грузись, я просто шучу; попроси диму чтоб он тебя привез. на край на такси приезжай...пожалуйста; у меня нормуль всё*. Это общение равных, «своих», общение максимально свободное и раскованное, относительно независимое от официальной культуры и внешних табу и во многих случаях сознательно оппозитивное по отношению к норме (языковой, этической, ментальной). Многие пользователи Интернета признаются, что употребление некодифицированного языка позволяет им осознать свою непохожесть, инаковость.

ЛИТЕРАТУРА

Иванов Л. Ю. Культура русской речи. Язык в электронных средствах коммуникации. М., 2003.

А. И. Огоновская

Уральский федеральный университет

Полигlossия в пространстве телевизионного ток-шоу*

Анализ специальной литературы и непосредственные лингвокультурологические наблюдения позволяют выделить следующие жанрообразующие признаки ток-шоу как особого жанра телевизионной журналистики: разговорность, диалогичность и полилогичность, фатическая направленность, определенная импровизационность, фасциативность, заданность темы, определяющая роль телеведущего, приглашение в студию гостей. Материалом непосредственного анализа является ток-шоу «Давай поженимся!» (с 2008 года по настоящее время, «Первый канал»).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект «Многозначность в социокультурном пространстве современной России». Соглашение №14.А18.21.0273).

Поскольку ток-шоу имеет обязательную сценарную основу, необходимо подчеркнуть заданность типовых ролевых позиций участников полилогического взаимодействия: роль ведущего, роль приглашенного гостя (гостей), роль студийной зрительской аудитории. Анализируемое ток-шоу имеет схематическую сценарную основу, которая задает обязательную композицию каждой передачи. Кроме того, композиционную значимость приобретает заданное сценарием чередование диалога, полилога и кратких монологических вставок.

Специфика жанра обуславливает диалогичность (переключение с одного субъязыка на другой), переходящую в полилогичность (реализация специфических средств трех и более субъязыков). Полигlossия проявляет себя как факт взаимодействия разных субъязыков участников ток-шоу. Сценарий анализируемого ток-шоу предполагает постоянные ролевые позиции, которые заполняются одними и теми же людьми, в их числе: ведущая Лариса Гузеева (в прошлом киноактриса) и ее помощницы — Роза Сябитова (отвечающая за экономическое благополучие будущей «пары») и Василиса Володина (раскрывающая характер отношений жениха и невесты по их персональным гороскопам). Участники ток-шоу — люди разных полов и возрастов, желающие создать семью. Изучение коммуникативно-ролевых позиций участников, социокультурных стереотипов, которые актуализируются в их речи, позволяет составить представление о ценностных предпочтениях современных россиян.

К вопросу о разномыслии русской языковой личности (на материале паремий, манифестирующих концепт *здоровье*)

Лингвистов-когнитологов привлекает многогранность паремиологического фонда, являющегося исследовательской базой для выявления амбивалентности жизненных установок русской языковой личности.

Целью нашего исследования является изучение паремий, содержащих единицы, манифестирующие концепт *здоровье*, и показывающих возможность неоднозначной интерпретации русской языковой личностью важного понятия в жизни народа. Материал исследования — 360 единиц-репрезентантов концепта *здоровье* [Даль 1997: 198–200; Зимин 2010: 188–192; Мокиенко 2010: 369–370].

В докладе будет представлен анализ интерпретационного поля концепта *здоровье* на паремиологическом материале.

Одним из результатов проведенного анализа является определение специфического отношения русских к своему здоровью. Возникшие в русском историко-культурном социуме пословичные выражения демонстрируют русскую терпимость к привычкам, вредящим здоровью, ироническую оценку чрезмерной заботы человека о своем здоровье, понижение высокого отношения к здоровью как безусловной ценности путем включения фольклорной сентенции в смеховой контекст (*Здоровье всего дороже, да и деньги тоже*).

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 3 т. (Т. I). СПб. : «Литера» ; «ВИАН», 1997.

Зимин В. И. Словарь — тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М. : Олма-Пресс, 2010.

Ю. Б. Пикулева

Уральский федеральный университет

Субъязыковые коды рекламной речи*

Стилистика рекламного текста за последние 20 лет стала одним из самых привлекательных для лингвистов объектов изучения. Однако долгое время она исследовала языковые средства, используемые в рекламе, исключительно в лингвистическом аспекте. Современный подход к изучению языковых кодов рекламного текста требует соединения стилистического и маркетингового подходов. Представляется, что переключение на конкретный субъективный код в рамках рекламного текста строго обосновано целевым адресатом рекламируемого товара (его гендерной, возрастной, социально-статусной характеристикой) и выбранной рекламодателем стратегией позиционирования на рынке. Язык рекламы должен быть максимально приближен к языку, на котором говорят потенциальные потребители.

Маркированная (чаще всего — сниженная) лексика используется в рекламных текстах прежде всего для формирования привлекательного образа товара в глазах целевого адресата, а также для имитации тональности неформального общения с потенциальным потребителем. При этом отмечается достаточно четкая закономерность в выборе тех или иных средств. Так, жаргонная лексика характерна для рекламы, ориентированной на молодежную аудиторию. Разговорная лексика фиксируется в рекламе для детей и женщин, просторечные элементы — в коммерческих посланиях, адресатом которых являются мужчины. Подчеркивание диалектного кода становится одним из приемов продвижения отечественных продовольственных товаров.

Осознание рекламы как одного из мощнейших источников влияния субъективных кодов на сознание российского общества и экспансия

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение №14.А18.21.0273).

низкого в данном институциональном дискурсе в 1990-х — начале 2000-х годов заставили законодательно ввести некоторые ограничения на использование подобных языковых средств в рекламе.

Н. Н. Попкова

Уральский федеральный университет

Многоречие в глянцево-м журнале (на примере журнала «Бизнес и Жизнь»)*

Периодическое издание с четко определенным целевым адресатом всегда стремится к унификации и воспроизведению речевых моделей, однажды найденных и получивших негласное одобрение у типового читателя. Как правило, требования к речевому оформлению всего корпуса текстов, представленных в издании, узакониваются в специальных документах, соблюдение прописанных речевых норм строго отслеживается.

В региональном мужском журнале «Бизнес и Жизнь» разработан «Текстовый брендбук» — свод нормативных требований и рекомендаций, задача которого максимально унифицировать разнородность авторских голосов и привести тексты к единому стилистическому оформлению. При этом стоит отметить, что авторами всех материалов издания являются не профессиональные журналисты с устойчивой манерой письма, а екатеринбургские бизнесмены и топ-менеджеры, основной род занятий которых не связан со средствами массовой информации.

Несомненно, разработка и внедрение такого редакционного документа ведет к общему обеднению речевой ткани журнала и стилистическому однообразию. Однако при условии, что в качестве первичного и всеобщего ориентира был выбран стилистиче-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение №14.А18.21.0273).

ски удачный образец текста, издание может отсрочить известную читательскую «усталость».

В ситуации жесткой стилистической унификации и подавления индивидуальных авторских манер речи в отдельных случаях, тем не менее, становится возможным «включение» феномена многогочия. Так, например, в колонках журнала регулярно встречается узкоспециальная техническая, юридическая, медицинская терминология как примета соответствующих субъязыков. Выполнение коммуникативной задачи — быть понятным собеседнику-специалисту и неспециалисту — оказывается важнее, чем задача стилистического единства и задача соблюдения корпоративных традиций.

И. С. Просвирнина

Уральский федеральный университет

Проблемы образовательной работы с мигрантами: взгляд преподавателя-русиста

После распада СССР миграционные процессы в РФ активизировались и приобрели новые направления как в географическом, так и в социальном плане.

В 90-е годы только легальный миграционный прирост в России составил по разным оценкам 9–11 млн человек. В последнее десятилетие, несмотря на введение квот для трудящихся мигрантов, Россия занимает второе место после США по количеству мигрантов. Более 30 % мигрантов направляется в Москву, на втором месте — Уральский регион, на третьем — Дальний Восток.

В последнее время на Урале азиатская миграция сменила кавказскую, так как трудовой миграционный потенциал кавказских и закавказских национальностей, очевидно, исчерпан и национально-культурные объединения, представляющие интересы диаспор, уже сформированы. Миграционные потоки из Молдавии

и Украины предпочитают при выборе региона коэффициенты Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. Таким образом, на Среднем Урале представлены, в основном, два миграционных потока: из республик Средней Азии — Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, и из Азиатско-Тихоокеанского региона — преимущественно, из Китая и Вьетнама.

Степень мотивации к изучению русского языка как неродного и культурно-речевой адаптации в языковой среде региона также может варьироваться: 1) у лиц, приезжающих на заработки с целью финансовой поддержки членов семей на родине, и 2) у лиц, стремящихся получить гражданство и гражданские права РФ, обеспечивающие работой, жильем, образованием самих мигрантов и членов семей в РФ.

Среди терминов, принятых в социально-политических и гуманитарных науках, анализирующих миграционные процессы (*социализация, интеграция, ассимиляция, адаптация*), для преподавателя-русиста актуальным представляется *культурно-речевая адаптация в языковой среде региона*, где базовой составляющей является способность к продуктивной речевой деятельности и реальной коммуникации.

Центр культурно-речевой адаптации иностранных граждан УрФУ прямо связан с процессами легализации мигрантов, поскольку на базе кафедры русского языка как иностранного ежемесячно тест для получения разрешения на работу сдает от 30 до 60 человек. Кроме того, кафедра РКИ занимается экспертизой документов иммигрантов, представляемых в миграционную службу.

Алгоритмы регулирования адаптации трудящихся мигрантов зависят не только от учебных заведений, но и от координации действий с ЕМЦ, УФМС, диаспорами, работодателями, средствами массовой информации. Но и здесь пора перейти от тезиса о том, что «нужно вести диалог» к тезису о том, что «процесс адаптации — это образовательный процесс». Тестирование должно быть результатом культурно-речевой адаптации, а не самоцелью.

Процесс культурно-речевой адаптации предусматривает минимум три этапа вхождения в языковую среду региона для мигранта. С другой стороны — со стороны преподавателя-русиста, тьютора в процессе адаптации — предусматривается дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации в сфере обучения русскому языку как неродному, в сфере билингвизма и/или учета родного языка мигрантов, в сфере использования современных средств и методик обучения (ИКТ, видео- и аудиоуроков, дистанционных образовательных программ и др.)

Еще одним направлением работы остается создание тренировочных и закрытых тестов ТРКИ, соответствующих лингвокультурной среде региона, поскольку тесты, создаваемые московскими вузами, включают лексику (например, *ДЭЗ*) и тематику (достопримечательности Москвы, телепередачи московских каналов), не актуальные для адаптационных процессов в Уральском регионе.

Н. Н. Рассохина

Уральский федеральный университет

О субъязыке автора-публициста*

В отечественной идиостилистике разработана концепция В. В. Виноградова, рассматривающая образ автора как семантикостилистический центр литературного произведения. Первоначально понятие образа автора применялось только по отношению к художественной литературе. Ю. М. Скребнев предложил интерпретацию идиостиля автора произведения в зависимости от коммуникативной сферы функционирования и определил три класса языковых единиц, обслуживающих субъязыки: «абсолютно специфические единицы», характеризующие индивидуальный субъ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение № 14.А18.21.0273).

язык; «относительно специфические единицы», характеризующие группу смежных субъязыков; «неспецифические (нейтральные) единицы», общие для всех потенциально выделяемых субъязыков [Скребнев 1975: 32–33]. К проблеме образа автора в публицистике обращается Г. Я. Солганик и рассматривает автора как стилиобразующий фактор публицистического текста. Исследователь отмечает, что в публицистической речи журналист может выступать как «человек частный» (индивидуальный образ) и как «человек социальный» (типологизированный образ) [Солганик 2001: 77–79]. Г. Я. Солганик делает вывод о том, что по многообразию вариантов категорий автора публицистика не уступает художественной литературе. Однако все ипостаси автора-публициста — это разновидности самого автора — реальной, подлинной личности, что привносит в публицистическую речь особую модальностью достоверности, оценочности.

Мы полагаем, что можно говорить о субъязыке автора-публициста в том случае, если он склонен к употреблению «абсолютно специфичных единиц», к индивидуальной креативной деятельности. Вслед за В. П. Григорьевым вводим понятие «креатема» [см.: Григорьев 1979], или «стратегически отобранная, осознанно реализованная или преобразованная языковая единица» с установкой на эстетический эффект [Купина 2012]. В отдельных случаях можно говорить о креативной речевой доминанте автора-публициста. Особо обращаем внимание на глоссемосочетания, то есть сдвиги в стандартной синтагматике [см.: Якубинский 1986], в состав которых входят трансформированные графические, стилистические, морфемные стандартные сочетания, новообразования, а также трансформированные прецедентные единицы.

Свой творческий почерк нередко наблюдаем у колумнистов, обладающих заведомо высокой коммуникативной компетенцией. Так, например, журналист сетевой газеты «Грани.ру» Илья Мильштейн активно использует в своей речи трансформированные прецедентные единицы, обыгрывая их с помощью такого приема, как паронимическая аттракция. Чаще всего креативным центром становится заголовок, будучи коммуникативно сильным компо-

ментом композиции статьи. Например, *Один в поле Волин, Васильев Блаженный, Иродовая травма, Gosdura lex* и др. В речи писателя и публициста Эдуарда Лимонова, также ведущего колонку в газете «Грани.ру», прослеживаем большое количество стилистически конфликтных сочетаний, базирующихся на соединении разговорно-сниженной экспрессивной лексики с лексикой политической сферы. Наблюдаем явно выраженную неодобрительную и ироническую оценку автором происходящего, особую эпатажность, обличительность его субъязыка.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. М. : Наука, 1979. 342 с.

Купина Н. А. Креатемы в речи детей // Уральский филологический вестник. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://journals.uspu.ru/attachments/article/ВЕСТ_3_2.pdf

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький, 1975. 175 с.

Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вестн. Моск. ун-та (Сер. 10. Журналистика). 2001. № 3. С. 74–83.

Якубинский Л. П. Язык и его функционирование : избр. работы. М. : Наука, 1986. 205 с.

Н. С. Семенова, Т. И. Киришева

ГСКОУ СО «Специальная школа-интернат № 17»

МБОУ СОШ № 183

Специфика использования русского языка учащимися разных национальностей в средней общеобразовательной школе

Сегодня во многих уральских школах учатся вьетнамцы, китайцы, цыгане, киргизы, узбеки, азербайджанцы, таджики и пр. «Многонациональность» контингента представляет особый интерес в свете изучения современного языкового употребления.

Сейчас нередки случаи, когда учеников одного класса можно разделить на три группы.

1. Обучающиеся, для которых русский язык является родным и/или которые с раннего детства воспитываются в русскоязычной среде (русские, татары, башкиры, украинцы, белорусы, грузины).

2. Обучающиеся, для которых русский язык не является родным, однако родители в разной степени владеют русским языком и используют этот язык в речи (таджики, киргизы, узбеки, азербайджанцы, цыгане).

3. Обучающиеся, которые с началом обучения в школе попали в чужеродную языковую среду (вьетнамцы, китайцы).

Далее речь пойдет только об учениках второй и третьей групп, которые являются носителями языков разных языковых семей: индоевропейской, алтайской, австроазиатской, сино-тибетской и пр. Поэтому очевидны сложности в овладении русским языком, обусловленные различиями языковых систем. Учащиеся испытывают трудности, прежде всего, в области фонетики (ударения, интонации, звукообразования, звукоразличения), грамматики (категории рода, падежной системы, синтаксического строя), лексики и фразеологии (абстрактной лексики, слов с переносным значением, устойчивых словосочетаний). У детей, для которых русский язык неродной, при изучении дисциплины «Русский язык» нет опоры на собственный языковой опыт.

Сложности наблюдаются и в аспекте культуры речи: ученики усваивают язык в том числе в среде неформального общения, поэтому нелитературная, ненормативная лексика (мат, жаргон) легко проникает в речь учащихся, используется ими. Необходимо, однако, отметить, что ненормативность мата очевиднее, более осознаваема, чем нелитературность жаргона. Поэтому жаргон употребляется в речи школьников в ситуации официального общения учитель-ученик, в то время как обсценная лексика используется только в среде сверстников.

Можно отметить несколько особенностей межъязыкового взаимодействия.

«Я-концепция» и «имидж»

как два аспекта проявления личности говорящего*

Личность говорящего в тексте может проявляться в различных формах. Она может реализовываться в тексте за счет речевой стратегии самопрезентации, которая может выступать в виде я-концепции (неосознанной совокупности представлений человека о самом себе) или в виде речевого имиджа (стратегически выстроенной системы с целью воздействия на аудиторию, осознанной тактики, имеющей прагматическую цель). Самопрезентация — это универсальная константа диалога, категория, которая проявляется всегда вне зависимости от целеустановок автора текста.

Понятие *я-концепции* представляет собой динамическую систему представлений человека о самом себе, в которую входит как собственно осознание своих физических, интеллектуальных и других качеств, так и самооценка, а также субъективное восприятие влияющих на данную личность внешних факторов.

Речевого имиджа — это способ речевого воздействия на читателя с целью передачи ему информации о личности говорящего.

Имидж не должен противоречить подлинному интеллектуальному и психологическому облику человека (расхождение будет замечено и сведет на нет воздействие на аудиторию), он должен, в норме, усилить значимые для социального успеха черты и сгладить, затушевать то, что способно вызвать отрицательную реакцию или разочарование аудитории.

Аудитория может определять степень свободы автора в выборе между я-имидж и я-настоящее: знакомая аудитория требует, чтобы самоподача автора определялась реальными качествами личности

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России. Соглашение № 14.А18.21.0273).

(иначе нарушается условие искренности), незнакомая – позволяет использовать «маску», конструировать образ автора.

Понятия я-концепции и имиджа соотносительны, но описывают одно и то же явление с различных сторон. И то, и другое есть проявление «Я», личности говорящего. Но термин имидж подчеркивает аспект воздействия «Я» на аудиторию, аспект восприятия «Я» адресатом. Термин я-концепция подчеркивает аспект самоидентификации, самооценки говорящего. Но так или иначе образ говорящего выражен в тексте за счет слов и языковых категорий.

В. С. Третьякова

*Российский государственный
профессионально-педагогический университет*

Этнолингвокультурный фактор как регулятор речевого поведения

Успешные речевые контакты носителей разных национальных культур возможны при наличии определенной общности знаков. Именно эта общность, а также знание норм, традиций общения народа – путь к согласованию поведения конкретной личности с законами поведения всего народа. «Коммуникативное поведение народа есть совокупность норм и традиций общения народа... это совокупность коммуникативных ритуалов общества в данный период его развития» [Стернин 1999: 12]

Выход за пределы общего для субъектов взаимодействия кода является конфликтогенным фактором в ситуации общения, т. е. создает предпосылки для коммуникативных неудач или даже речевых конфликтов.

Национальная специфика обуславливает функционирование всех единиц языка. Особо чувствительны к культурному компоненту лексико-семантическая и грамматическая системы, составляющие основу лексикона и грамматикона языковой личности,

«в них наиболее колоритно и «выпукло» отражаются национальные особенности восприятия «кусочка действительности»» [Сафаров 1997: 109].

Для успешности общения коммуникантам необходимо выявить наличие общего языкового кода – метаязыка. При контакте людей разных языковых коллективов метаязыковая функция речи становится первостепенной, поскольку забота говорящих о понимании высказывания позволяет установить наличие общего кода и избежать коммуникативной неудачи.

Способность к метаязыковым операциям в речи – это одно из необходимых коммуникативных качеств личности. Она очень важна при усвоении родного языка ребенком, при овладении человеком чужим языком, при столкновении в общении с незнакомым словом (часто при общении с человеком другой языковой культуры).

Успешность взаимодействия определяется и общим речевым кодом, который является частью морально-этикетных норм поведения, содержание которых включает не только этноспецифические, но и всеобщие правила общения. Таким образом, необходима ориентация как на всеобщие принципы и морально-этические установки общества, так и на своеобразные традиции и нормы чужой лингвокультуры. В плане гармонизации общения речь следует вести о пресуппозициональных знаниях нормативных языковых и речевых реализаций, наличие которых у партнеров позволит избежать различного рода коммуникативных лакун и, следовательно, столкновений субъектов речи по поводу несогласованных или противоречивых коммуникативных поступков.

Оценка сценариев речевого поведения, которые нам представляет действительность, происходит в предельных границах: положительные сценарии, построенные в соответствии с коммуникативной нормой, и отрицательные, в которых налицо нарушение нормы. Первые могут массово и регулярно воспроизводиться в процессе коммуникации – и это один из главных признаков нормы, – вторые, получив соответствующую оценку, должны быть исключены из практики речевого общения. Эти оценки, маркируя

лишь предельные границы речевого общения по его результату, предоставляют возможность варьирования речевых реализаций. Сценарии, находящиеся между этими двумя полюсами, могут использоваться с известными ограничениями с учетом ситуативных особенностей коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

Сафаров Ш. Этнокультурные компоненты дискурсивной деятельности // Язык, дискурс и личность: Когнитивные и коммуникативные аспекты : сб. науч. работ. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1990. С. 105–111.

Стернин И. А. Принадлежит ли язык к явлениям культуры? // Русский язык в контексте культуры / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 8–20.

В. Б. Черник

Уральский институт ГПС МЧС России

Особенности речи государственных служащих силовых структур

Особое значение среди актуальных проблем современной лингвистики придаётся изучению языка государственных служащих, которое усиливается вниманием лингвистов к роли говорящей личности в процессе общения.

Среди научных исследований по проблемам госслужбы существует большое количество работ, описывающих ценностные ориентации государственных служащих, нравственные качества, духовную культуру представителей этой социально-профессиональной страты [Самойлова 2011]. В них разрабатываются актуальные проблемы государственной службы, исследуются вопросы профессионализма служащих, формирования их ценностных ориентаций. При этом, как считает Ю. Н. Караулов, «нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов 2006].

В связи с этим целью доклада является анализ речи государственных служащих, которые исполняют обязанности в подразде-

лениях Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, т. е. также являются представителями силовой структуры, обладающей дополнительными специфическими признаками речевой характеристики коммуникантов.

Как показывает анализ текстов документов (приказы, распоряжения, протоколы заседаний и совещаний, письма, справки, инструкции), обслуживающих профессиональную деятельность сотрудников МЧС России, и устной деловой речи в ситуациях публичного общения одной из ключевых особенностей официально-деловой речи является употребление стандартных выражений. Наряду со стандартизированной лексикой и лексическими формулами следует отметить и стандартизацию средств грамматики, вплоть до отклонений от грамматической нормы.

Ещё одна характерная черта официально-делового стиля – лексических значений. Это обусловлено тем, что слово выступает как «ярлык» специфического профессионального наполнения, подводя данный случай, событие под ряд однотипных. Невозможно обойти вниманием проблему использования государственными служащими силовых структур в устной публичной речи табуированной лексики, что становится нормой корпоративной мужской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : КомКнига, 2006.

Самойлова С. В. Профессиональная речь государственных служащих // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2011. № 2. С. 8–43.

Е. В. Шулындина

Уральский федеральный университет

Приметы субъязыка Михаила Прохорова*

Под *субъязыком* мы понимаем не только «подсистему языка, имеющую узкую сферу употребления» (Ю. М. Скребнев), но и индивидуальный язык автора. В процессе коммуникации происходит взаимодействие субъязыков. Материал анализа — интервью с М. Прохоровым, тексты которых наглядно демонстрируют субъязыковые пересечения.

Субъязык экономики и финансов. Функционально-стилистически отмеченные вербальные знаки (*бизнес, рынок, кризис экономики, финансы, финансовый ресурс, рыночные отношения, миллион, инвестиции, активы* и др.) поддерживают «паспортный» параметр «крупный бизнесмен».

Общественно-политический субъязык. Речь олигарха насыщена книжными выражениями содержащими лексику общественно-политического характера: *информация, СМИ, политический режим, политика, государство, гражданство, власть, оппозиция, реформы, режим, общество, партия, идеология, президент, Путин, Кремль, Дума, чиновники*. Активное употребление политической лексики связано с установкой говорящего продемонстрировать экспертные знания в этой области, собственную осведомленность в политических вопросах.

Субъязык молодежи. Употребление М. Прохоровым элементов молодежного жаргона демонстрируют примеры: *Норильск — очень клевый город, драйвовый, такая энергия там прет, я там даже спал меньше* [Сноб 23.02.12]. *Да просто там виндсерфинг, там движуха, мне там очень нравится* [<http://kp.ru/daily/25676/835896/>].

* Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Министерства образования и науки РФ (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России». Соглашение № 14.А18.21.0273).

Единицы криминального жаргона: *Что, мы не знаем, кого крышует конкретный участковый?* [URL: <http://www.gazeta.ru/interview/nm/s3978101.shtml>]. *Едва не схлопотал подписку о невыезде, был на грани, да следак оказался нормальным мужиком* [Итоги 14.11.11].

Нередко М. Прохоров потребляет индивидуальные средства выразительности, характеризующие его креативный речевой облик. Например, нестандартные сравнения, придающие ироническую тональность высказыванию, М. Прохоров использует для характеристики Ксении Собчак: *Сто раз права стенающая Кассандра наших дней Ксения Собчак — санитар леса мужских комплексов и наш всероссийский носитель новых стандартов нравственности: это ужасный комплекс* [URL: http://www.ruspioner.ru/otl.php?id_art=1201].

О «полиглотизме» (Б. А. Ларин) М. Прохорова свидетельствует его способность легко переключаться с языка экономики на политический субъязык, с языка молодежи на язык криминальный и др.

Н. А. Юшкова

Уральская государственная юридическая академия

Роль этнокультурного компонента образования в современных условиях

Повышение роли этнокультурного образования, переход к качественно новому уровню этнокультурного воспитания в связи с активными тенденциями роста полиэтничности и поликультурности населения страны, особенно в некоторых ее регионах, становятся как никогда актуальными. Толерантность и корректность межкультурного общения могут рассматриваться как факторы достижения гражданского согласия и межнационального мира. Система образования должна быть естественным механизмом

преодоления нарастающих негативных тенденций в обществе, гармонизации межэтнических отношений.

Межэтнические барьеры становятся причиной многих проблем, которые наиболее ярко проявляются в современной образовательной системе, требующей кардинальных изменений. Известно, что массовая школа на сегодняшний день не оказывает должного влияния на социализацию школьников в области межкультурных отношений, несмотря на то что многие образовательные учреждения по составу учащихся носят полиэтнический характер. Формирование этнического самосознания и навыков межкультурного общения идет по большей части стихийно, под сильным влиянием распространяющихся в быту негативных этнических стереотипов.

Кроме того, серьезной проблемой остается преподавания курсов этнокультурной и этноконфессиональной направленности, содержание которых разрабатывается образовательными учреждениями (в том числе имеющими статус государственных) самостоятельно. Это затрудняет определение единых государственных требований к программам обучения национальным языкам и литературе с учетом этнокультурного компонента, допуская возможность его произвольной ориентации на образовательные стандарты других государств.

Этнокультурный компонент образования должен быть представлен в программах развития школ, должны быть разработаны и внедрены в учебную практику развивающие модели этнокультурного образования — предметно-тематические, ценностные, институциональные, проектные.

Система подготовки и переподготовки кадров, работающих в области этнокультурного образования, а также их аттестации, должна быть внимательным образом пересмотрена, так как необходимость диалога в поликультурной образовательной среде предполагает изменение не только предметной, но и воспитательной, социально-психологической компетентности преподавателей соответствующих образовательных учреждений.